

Айлина Якуба

Развод. Нас больше нет

«Литнет»

2023

Якуба А.

Развод. Нас больше нет / А. Якуба — «Литнет», 2023

— Я подаю на развод! — Даже не надейся, — не смотря в мою сторону, Андрей произносит с издевкой. — Договоренность наших родителей тебе это не позволит. — Андрей, мне плевать. Я улетаю через неделю и неважно, со мной или без меня, но ты оформишь наш развод. — Никуда ты не поедешь и развода тебе не дам! Продолжаем жить, как и прежде, — равнодушно произносит. Получается, он хочет продолжать жить на две семьи? Делить его с другой? — Что?! Ты предлагаешь мне принять твою полигамию? А детей мы тоже вдвоем будем тебе рожать? — Детей будет рожать только одна из вас, — смотрит с вызовом, — и это будешь не ты.

© Якуба А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	39
Визуал	42
Глава 15	46
Глава 16	50
Глава 17	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Зачем я это делаю? Наверное, чтобы наконец-то увидеть ЭТО своими глазами и вылечиться?

Я устала. За эти два года, что замужем, устала от такой жизни. Устала быть той, кем сейчас являюсь: ненужной, нелюбимой и несчастной.

Поднявшись на двадцать пятый этаж башни многоквартирной высотки, где во владении есть шикарная и элитная квартира у моего дорогого и любимого для меня мужа. Я здесь впервые за два года нашего брака с Андреем Востровым. Прекрасно знала о ней, и кто проживает в этой квартире. Но меня в этом месте никогда не ждут, да и запрещено тут появляться.

Вынимаю из сумки электронную карту, которую украла у мужа. Прикладываю к дверному замку, происходит негромкий писк и загорается зеленая лампочка. Тихо открываю дверь и бесшумно прохожу в идеально блестящий холл. Пол из мраморной плитки сверкает чистотой, на пороге ботинки мужа и множество разной женской обуви. Не мои. Расстегиваю свои белоснежные босоножки на тонкой шпильке, чтобы не стучать по мраморному полу и не выдать свое присутствие. Обвожу взглядом убранство: красиво! Все здесь шикарно и в современном стиле. Квартира обставлена со вкусом. Только чьим?

Ступаю босой стопой на зеркальный пол, вздрагиваю от обжигающего ледяного холода. В моей груди точно такой же, и я уже к этому привыкла. Иду по широкому коридору, слышу приглушенные голоса и смех. Направляюсь по интуиции, точнее по мере приближения голосов. Догадываюсь, что моя цель находится в конце коридора.

Так и выходит, за закрытой дверью, слышу вздохи и стоны, переплетенные с мужским и женским.

В груди на бешеной скорости стучит истерзанное сердце, уже заранее зная, что происходит за закрытой дверью. Но мне это надо! Надо увидеть собственными глазами, чтобы вытравить, искоренить болезненную любовь к мужу. Если раньше я представляла, то теперь, хочу увидеть и очиститься от иллюзий, от чувств.

Толкаю дверь и медленно открываю. И вместе с этим мое сердце замирает, источая адскую боль. Это просторная светлая спальня, в стиле минимализма. В нос моментально бьет запах секса, одновременно звонко звенящими стонами и влажными шлепками.

Мой муж и его любовница занимаются сексом на широкой двуспальной кровати. Лариса лежит на спине. Андрей нависает скалой над своей секс-жертвой. Он с наслаждением вбивается между широко раздвинутыми ногами любовницы, точнее любимой. И у обоих на лицах гримаса блаженства и наслаждения от соития. Сразу чувствуется между ними страсть и любовь, которую никогда не было у нас с мужем.

Я забываю дышать, когда вижу своими глазами их половой акт. В горле застревает такой огромный ком обиды и разочарования, будто шею стискивает невидимой цепью с острыми шипами, причиняя жгучую боль.

Это больно, адски больно. Хочу разрыдаться и умереть. Но вместо этого сдерживаюсь и заставляю себя смотреть, чтобы наконец излечиться и больше не чувствовать к этому человеку НИ-ЧЕ-ГО.

«Смотри, Женя, смотри! Не вздумай отворачиваться и сбежать как трусливая девочка! Смотри, слышишь? Смотри и выдирай с мясом из своей груди то, что ему никогда не было нужно!»

Мне четко видно, как его член входит в тело той, которую он любит и боготворит. Андрей без защиты и это еще больше прибавляет смертельной дозы боли. Всю скручивает и выворачивает, но стойко смотрю.

Поджарое, мускулистое тело мужа вбивается жёстко и глубоко между ног Ларисы. Одной рукой придерживает ее ногу за щиколотку, второй сжимает третьего размера грудь. Лариса с упоением стонет, и впивается ногтями в его предплечье. Она вся извивается на белых простынях от напора моего мужа и выкрикивает ему слова любви. В ответ Андрей еще сильнее толкается в разгоряченное тело любовницы, издавая страстный стон.

Она красивая и стройная брюнетка, с длинными ногами как у модели. По сравнению с ней, я моль и невзрачная девушка с волосами цвета пшеницы, маленького роста и худая как тростинка. Мое тело как у не сформировавшегося подростка: угловатая фигура, узкие бедра, плоская грудь.

Господи, дай мне сил, очень тебя прошу, дай! Больше не хочу этого всего. Его не хочу, и тем более взаимных чувств, о которых мечтала почти пять лет.

В какой-то момент Лариса поворачивает голову в мою сторону и ее большие карие глаза раскрываются еще шире. Она издает визг не от жадных толчков моего мужа, а от моего присутствия. Испугано отталкивается от Андрея, спешно прикрывая простыней свое сексуальное смуглое тело.

Андрей в растерянности наблюдает за “любимой”, и поняв, что она смотрит в сторону двери, поворачивается. Наши глаза встречаются, при этом я чувствую ликование, что смогла их обескуражить. В его глазах вспыхивает страх и растерянность.

— Жень?! Что ты здесь делаешь?!

«Пытаюсь излечиться», хочется сказать ему, но стойко молчу, смотря в его красивые и такие любимые серые глаза.

— Андрей, нам надо поговорить, – негромко и дрожащим голосом произношу слова, которые уже несколько недель мечтаю озвучить.

Он недовольно хмурится. Встает с кровати, не стесняясь своей наготы и покачивающегося, стоящим колом члена, который блестит от смазки его “любимой”.

Так болит в груди, что впору закричать и наброситься на него с кулаками, но стойко стою на месте, не желая даже сдвинуться. Держу себя в жёстких рамках, чтобы только не показать мужу свою слабость, насколько сейчас раздавлена и разбита. Внутри уже давно все кровоточит, там нет живого места, и давно привыкшее к мучительной боли.

— Другое время не могла найти? – произносит с недовольными нотками в голосе.

— Не могла, – хрипло отвечаю.

— Выйди, я оденусь, – резко произносит.

— А что тебе от меня скрывать? Чего я там не видела? – со злой ухмылкой отвечаю ему.

Он с вызовом и демонстративно надевает спортивные брюки, ни на миг, не прерывая нашего зрительного контакта, показывая мне, что ему плевать на меня.

Лариса испугано наблюдает за нами, натянув простыню до самой шеи. Хочу ей сказать пару ласковых, но сдерживаюсь, чтобы только не показать свою уязвимость перед ней. Пусть все останется на ее совести.

Не дожидаясь Андрея, выхожу из проклятой спальни и иду в гостиную. По-хозяйски располагаюсь на широком белоснежном диване, ожидая появление мужа.

— Говори, — заходя в гостиную, недовольно произносит.

Хорошо, что хоть додумался натянуть футболку.

— Я подаю на развод! — твердо произношу, держа ровно спину.

Андрей ухмыляется и идет к барной стойке. Берет бутылку виски и наливает в чистый бокал янтарную жидкость. Завороженно наблюдаю за его движениями, как преподносят к губам бокал и, как отпивает небольшой глоток. Он, красив и мужественен, ровные и правильные черты лица, небольшой ровный нос, гладко выбритые скулы и подбородок, средней толщины губы, которые сейчас алые от поцелуев с его “любимой” и блестят от выпитого виски.

— Даже не надейся, — не смотря в мою сторону, Андрей произносит с издевкой. — Договоренность наших родителей тебе это не позволит.

— Я с отцом сама поговорю, объясню, что это моя инициатива. Он не станет разрывать контракт.

— Наивная, — усмехается.

— Андрей, мне плевать. Я улетаю через неделю и неважно, со мной или без меня, но ты оформишь наш развод. Это ляжет на твои плечи, а я умываю руки. Мне от тебя ничего не нужно и делить имущество не собираюсь. Мой адвокат свяжется с тобой.

— Куда собралась? — игнорируя мои последние слова.

— Далеко отсюда, чтобы дать вам возможность не скрываться и продолжать трахаться, — произношу и от своих же слов становится еще больнее, потому что я добровольно отказываюсь от своего любимого. Я люблю его так сильно, что от этой любви сгораю заживо. Больше этого не вынесу. Хватит! Мне пора излечиться и прекратить позволять поступать так со мной.

— Никуда ты не поедешь и развода тебе не дам! Продолжаем жить, как и прежде, — равнодушно произносит, отпивая бокал виски.

Этими словами и равнодушием в глазах, наносит мне похлеще ножевых ранений.

— Что?! Ты предлагаешь мне принять твою полигамию? А детей мы тоже вдвоем будем тебе рожать? — меня всю трясет от его слов.

Получается, он хочет продолжать жить на две семьи? Делить его с другой? Мы живем в стране, где запрещено многоженство. Да и я этого больше терпеть не намерена!

— Детей будет рожать только одна из вас, — смотрит с вызовом, — и это будешь не ты.

Глава 2

— А не пошел бы ты... – плюю ему под ноги, резко встаю с дивана и направляюсь на выход из этой злосчастной квартиры.

— Чтоб дома меня ждала, – кричит мне в след.

На ватных ногах иду по коридору. Обуваюсь в босоножки, не пытаюсь их даже застегнуть. Пулей вылетаю из квартиры и не удосуживаюсь ее закрыть.

Уже в лифте даю волю своим чувствам, рыдая навзрыд. Оседаю без сил на пол, обзывая его мысленно все возможными матерными словами. Так больно мне еще никогда не было. В груди жжет, словно туда запихали горящие угли, и они выжигают все без остатка.

Как я могла полюбить такое чудовище? Как?! Это же как он меня ненавидит, что так унижить:

“...и это будешь не ты”, болезненным эхом отдается в груди.

Они были произнесены с такой надменностью и неприязнью, что почувствовала себя биомусором, ненужной вещью, которую подарили и владельцу она не особо нужна.

За что мне все это? Что я сделала в своей жизни не так?

Какая я же дура, что влюбилась в Андрея Вострова. Будь проклят тот день, когда его увидела и пропала. Пропала так, что до сих пор не могу себя найти, свое достоинство.

Мне тогда было восемнадцать. Папа пригласил на совместный отдых семью Востровых. Он только начал сотрудничать с Востровым старшим, и я понятия не имела, что это сотрудничество станет судьбоносным для меня. Увидев впервые Андрея, осталась в таком впечатлении от неожиданной встречи. Ему тогда было двадцать три года, как мне сейчас. Высокий, подтянутый молодой человек со светлыми волосами.

Я тогда зависла на нем и любой его мимолетный взгляд, заставлял трепетать и краснеть. В то время была скромной и застенчивой девушкой, строго воспитываемая родителями. Они меня оберегали, как зеница ока, запрещая множество вольностей и ставя жесткие рамки в воспитании.

Тогда считала, что так и надо, это правильно. Но, побывав два года замужем, поняла — многое упустила в недолгой жизни и теперь, хочется свободы, как птице в небе.

Устала быть правильной дочерью и правильной женой. С меня хватит! Я хочу свободы и вздохнуть полной грудью, сбрасывая с себя тяжелые оковы.

Выхожу из лифта, вытирая слезы со щек и уверенно направляюсь на выход из фешенебельного здания.

Сажусь в красную Тойоту, которую купил мне дорогой и любимый муж, выделяя эти слова в кавычки. Перед глазами все расплывается от непрекращающихся слез. Сажусь еще пять минут, уставившись в лобовое стекло, умиряю свою истерику, и наконец завожу мотор.

— Прочь. Прочь из его жизни, прочь из этого города. Даже не буду дожидаться недели, поменяю билет на рейс и сегодня же вылетаю, — с рыданием кричу перед собой, смотря вперед.

Не помню, как доезжаю до загородного дома, где прожила последние два года, думая, что буду здесь счастлива. Не заезжая в ворота, оставляю свою красную подругу снаружи.

Иду почти бегом, проходя кованые ворота, не здороваясь с охранником, что сидит на посту, и быстрым шагом преодолеваю вымощенную каменной плиткой дорожку к дому.

Преодолеваю порог дома, бросаю ключи и сумочку на комод и спешно поднимаюсь на второй этаж.

В свою спальню влетаю, открыв дверь со всего размаху, что та с грохотом и треском ударяется о стену. Открываю шкаф-купе и вытаскиваю оттуда все вещи, бросая на широкую кровать, в том числе огромный чемодан, которым редко пользовалась.

У нас даже спальни отдельные, не говоря об интимной жизни, которую можно на пальцах посчитать сколько раз было за этот год. Я же всегда растворялась в нем, а он... А он думал о другой. Как он был зол, когда узнал о нашей помолвке, его перекошенное лицо навсегда останется в моей памяти, а я тихо его любила и мечтала о нем.

В то время он встречался с Ларисой и надеялся, что она станет его женой, но наши родители решили все иначе. Заставив Андрея, жениться на мне. А я как влюбленная девочка, тихонько радовалась и дала себе слово, что все сделаю для того, чтобы Андрюша полюбил меня и был счастлив только со мной.

Дурочка с переулочка, смешно от самой себя. Настроила себе воздушных замков, а в итоге была самой несчастной женой, которая знала, где именно ночует ее муж и с кем. И сегодня я ЭТО увидела, какой он бывает в момент интимной близости. Со мной же всегда холоден и отстранен. Да что говорить об этом, он старался со мной заниматься сексом с защитой.

С защитой!

Опять память откидывает в ту злосчастную квартиру и болит, так болит, что кричать хочется. Только однажды он забылся о презервативе, когда пришел пьяным домой после какой-то вечеринки, куда даже не думал взять меня с собой, набросился и мы переспали в его спальне и раньше такого он себе не позволял. Я была счастлива в тот момент, опять поверила в любовь между нами, но не тут-то было, на следующий день продолжились, его холод и отстраненность. А потом мнимые командировки и встречи, и где именно они проходили, сегодняшняя ситуация тому подтверждение.

Каждый день себя тешила, вот-вот он остепенится, бросит свою Ларису и будет только моим.

Разве можно быть такой бесхребетной идиоткой, заглядывая мужу в рот и ждать, ждать, ждать и надеяться?

Только чего?

А ничего.

Осталась я у разбитого корыта с кучей комплексов. И теперь хочу освободиться от этого наваждения по имени “Андрей”. Навсегда! Я, хозяйка своей жизни, а не родители или мой муж, который заставляет жить по-прежнему, делить его с другой. Или как там в мусульманских странах — быть одной из жен гарема.

Плачу, но остервенело собираю свои вещи. Ни одной минуты не хочу здесь оставаться, надо быстрее уходить.

Стараюсь ничего не забыть, запихивая как попало свои вещи. Беру самое необходимое, остальное пусть выбросит или сожжет, но сюда больше никогда не вернусь. Пусть мне будет тяжело и плохо, но все сделаю, чтобы его забыть, вытравить из сердца.

По телефону меняю билет на самолет, забронировав ближайший рейс. Меня ждет лучшее будущее, меня ждут в Германии, там я договорилась через знакомую, что возьмут в известную галерею. Искусство — это моя слабость, обожаю писать картины и изучать известных художников. Из-за замужества добровольно это все забросила, тихонько мечтая стать известной художницей.

Закончив сборы, стою у порога, держа за ручку чемодан, молча обвожу стены и мебель нашего дома, то есть уже не моего, вспоминая свои прожитые дни и месяцы здесь. Прощаюсь со ставшими родными стенами и теперь уже навсегда. И хозяйка этого дома будет та, которую любит хозяин дома. А я... А я буду счастлива подальше отсюда, буду стараться и стремиться к этому.

Глубоко вздыхаю и выхожу наружу. Только оказываюсь на улице, неуклюже таща огромный чемодан, за спиной раздается до боли знакомый голос.

— Куда? Как вынесла чемодан, так и затаскивай обратно. Наигралась в обиженку и хватит, — гремит грозный и недовольный голос мужа, как гром среди ясного неба. Я застываю, вжимая голову в плечи, боюсь повернуться.

От автора:

Спасибо всем, кто читает эту новинку! За ваши реакции и комментарии отдельное спасибо, мне очень приятно!) Едем дальше)

П. С. Вся история выдумана мной, все события и герои так же выдуманные и совпадения случайны.

Глава 3

— Даже не подумаю, — бурчу себе под нос, продолжая тащить чемодан.

Андрей преграждает мне путь своей тушей. Я по сравнению с ним пигалица и он больше меня в два раза.

Мне ничего не остается, как остановиться. Смотрю в его серые холодные глаза, которые источают злость и ярость.

— Домой зашла, — рычит на меня.

Страшно, очень страшно сейчас. Но стараюсь этого не показывать, а гордо вскинуть нос и смотреть с непроницаемым лицом.

— Своей любовнице так указывай. Отойди и дай пройти, — толкаю вперед чемодан, упираясь колесиками в носки его обуви.

— Я. Сказал. Зашла, — властные нотки в каждом произнесенном слове.

Маленькая и послушная девочка хочет покориться и больше не совершать самовольство. Но другая, эгоистичная и капризная хочет дать ему леща по морде и встряхнуть с него надменность. Устала от всего, от этой борьбы, где не я победитель, просто хочу отойти в сторону и прекратить весь этот фарс.

— Андрей, мы оба взрослые люди и понимаем, что наш брак ошибка. Дай мне спокойно уйти, пожалуйста, — беру себя в руки и пытаюсь проявить в нем человечность.

— Нет. Ты моя жена и таковой останешься, до конца наших дней, — последнюю фразу выделяет с издевкой.

И это действует спусковым механизмом, меня прорывает на откровенность, которую раньше боялась произносить:

— Зачем ты так со мной? Что лично тебе я сделала? Думаешь, это я заставила тебя на мне жениться? — начинаю закипать, на глаза наворачиваются слезы. Пусть лучше отпустит, чем заставляет мучиться.

— Успокойся, — хватает за ручку мой чемодан и тянет на себя, но от этого еще больше закипаю и меня не остановить.

— Знаешь, Андрей, ведь в тебя влюбилась с первого взгляда. Тогда так залипла на тебе, что каждый божий день наивно мечтала о тебе. Когда наши родители решили нас поженить, так обрадовалась, думала, что полюбишь меня так же, как я тебя. Но крупно ошиблась. Да, наивная дурочка, мечтающая о любящем муже и счастливой семье. Надеюсь на твою взаимность и верность. А в итоге..., — смахиваю скатывающую слезу со щеки. — А в итоге я несчастна, и ты несчастен. Ты не представляешь, как мне было мучительно больно, зная, где ты на самом деле находишься и с кем. Представлять вас вместе, та еще пытка, Андрей. Я старалась совладать своими эмоциями, правда. Хотела сделать тебя счастливым. Создать тепло и уют в нашем доме. Ждала тебя как верная собака у порога, пока ты натрахался с другой. Но нет, это все было в пустую. Ненужное для тебя и не имеющее ценности. Мы даже спали отдельно, а об интимной близости вообще молчу. Как думаешь, каково человеку, который любит до беспамятства, зная, что ты безразличен ему?

Смотрю на Андрея сквозь пелену слез, он уже не сердится, нет, там похуже — жалость. Только не она, это похлеще злости и ненависти, так я ощущаю себя жалким и никчемным человеком.

— Так зачем друг друга мучить? Просто отпусти. Давай прекратим этот фарс, который создали не по нашей воле. Разойдемся любовно, без скандалов и интриг. Очень прошу, отпусти, — говорю уже тише, переходя на шепот. — Больше этого не вынесу, я не железная. Я человек из плоти и крови, у которого есть чувства, эмоции и свои желания. Мне больно жить с тобой под одной крышей, зная, что ты не мой. Хочу быть любимой женщиной своего мужа и

родить ему детей. Да просто хочу женского счастья. Неужели этого не заслужила? — нервно улыбаюсь сквозь слезы.

Смотрю умоляюще в его глаза. Он молча наблюдает, разжимает ладонь и отпускает ручку чемодана, засунув руки в карманы брюк. И я вздыхаю с облегчением, закрыв глаза.

— Хорошо, Женя, дам тебе развод и не стану держать против твоей воли, — уже спокойнее говорит и чувствуется в голосе смирение.

— Спасибо, — шепчу. Вытираю щеки и плотнее прижимаю к себе чемодан. — Я тебе желаю счастья. И никогда не почувствовать все то, что чувствовала я, живя с тобой, — растягиваю губы в улыбку, но явно получается неискренне.

Больше не в силах сдерживать свою истерику от нашего расставания, я молча разворачиваюсь по направлению к выходу из двора некогда нашего дома.

— Прости за все, Жень, — прилетает мне в спину слова без пяти минут бывшего мужа.

Останавливаюсь и напрягаюсь, но не в силах повернуться и сказать ответ. Просто продолжаю свой путь.

Могу ли простить? Я еще сама не знаю. За два года терпения отношения Андрея ко мне, бесследно не проходят, мне сложно ответить на этот вопрос, когда в груди все еще кровоточит, и когда это пройдет, я сама не знаю.

Не сказав ни слова, просто ухожу, из нашего дома, из его жизни.

Прошло две недели.

Переезд в другую страну хоть немного, но дал мне облегчения. Развод с Андреем не проходит безболезненно, постоянно трясет и выкручивает без него, вспоминая образ мужа. Стараюсь в такие моменты вспоминать его и Ларису вместе, в той самой квартире, чтобы отрезвить и опустить на землю, разбивая в клочья.

Наш развод в самом разгаре, и я запрещаю себе интересоваться об Андрее, как именно он там живет и с кем. Это будет для меня катастрофически, узнав, что он счастлив с Ларисой. Постепенно, с чувством и расстановкой двигаюсь по направлению “забыть”. Как бы ни было тяжело, но я должна смириться и закрыть ту дверь, а ключ выкинуть в неизвестность, чтобы не было возможности отыскать и открыть снова, потому что мне дышать тяжело и больно без него.

Мои родители были в ярости, от нас с Андреем, ведь мы поставили под угрозу важный контракт, заключенный между нашими отцами. Мне искренне плевать на это, и никак не вызывает угрызений совести.

В мюнхенской галерее меня встретили с уважением и теплом, и за эти две недели я влилась в рабочий ритм с огромным увлечением, иногда забывая причину моего нахождения в Мюнхене.

Языковый барьер не был преградой, так как знаю на отлично английский. Но все равно записалась на курсы по изучению немецкого.

Я все делаю, чтобы вечерами в съемной квартире мне не было одиноко и тоскливо, стараясь не впадать в депрессию, занимаю себя всевозможными курсами или с кистью в руках, нанося мазки на холст масляными красками.

И вот сегодня, сидя в своей мастерской съемной квартиры, которая расположена в центре Мюнхена, скорого вечера за написанием картины.

Наносу последний штрих кистью, встаю со стула, и я отстраняюсь на два шага назад, рассматривая свое творение. На меня смотрят родные и любимые серые глаза. В груди тянет тупой болью. Выглядит настолько реалистично, будто ОН стоит напротив и прожигает серым

взглядом. Эту картину написала по памяти, помня каждый штрих, каждую черточку любимых глаз.

Шмыгаю носом, потому что опять начинаю плакать. В последнее время, это привычное состояние, раньше думала, что это от развода, но как оказалось, причина совершенно в другом.

Стираю тыльной стороной ладони одиночную слезу и кладу кисть в этюдник. Вытираю руки о черный фартук, на котором и так нет живого места, полностью испачканный красками.

Подхожу к окну, рассматривая горящий огнями Мюнхен. Тяжело вздыхаю и закрываю глаза, представляя, как это было бы, если я об этом узнала еще в России, в нашем доме.

Сую руку в карман фартука и достаю оттуда белый пластиковый предмет, на котором показывают две отчетливые красные полосы.

Плачу. Но не знаю, от счастья или страха.

Кто знал, что один единственный раз без защиты, приведет к такому. То ли злой рок, то ли это дар с небес.

Прикладываю ладонь к животу, и улыбаюсь сквозь слезы.

— Нет, ты моя награда за годы мучения, — шепчу еще совсем плоскому животу и улыбаюсь.

Глава 4

Прошло шесть лет.

— Саша-а, ты где? Нам пора выезжать.

Ищу моего проказника по коридорам галереи, наверстывая круги. Еще раз смотрю на наручные часы, время показывает половину второго, а нам надо быть дома в три часа. До четырех успеть забрать чемоданы и уже мчаться в аэропорт.

Сегодня последний день моей выставки в галереи, не присутствовать, я не могу. А так бы уже спокойно собирались в дорогу, сидя дома. Но пришлось взять с собой моего мальчика, и ехать на закрытие выставки.

Проходя между посетителями галереи, рассматривающих мои картины, я стараюсь всматриваться во все углы помещения, выискивая проказника.

Навстречу ко мне идет фрау Рихтер, по совместительству моя начальница. Но мы с ней уже так сдружились, что этого барьера, между нами, давно уже нет.

— Hallo (прим. автора: перев.с немецкого - “Привет”), — приветствует Хельга.

— Hallo.

— Твоя выставка взорвала нашу галерею! — говорит на немецком, восхищаясь и хлопая в ладоши.

Хельга Рихтер — женщина средних лет, изящная брюнетка, высокая, худощавого телосложения. Любит курить тонкие сигареты через мундштук. Она мне напоминает актрис 40-х — 60-х годов. Это она сделала из меня ту, кем я являюсь на данный момент.

Приехав сюда двадцати трехлетней девушкой, выглядела гадким утенком и с неудачным браком за плечами, Хельга изначально прониклась ко мне всей душой. А уже дальше, когда увидела мои картины в съемной квартире, и вовсе взялась за меня, вцепившись мертвой хваткой. Она мне тогда объяснила, что я похожа на нее в молодости, такая же напуганная и неопытная молодая девушка. Только Хельга переехала в Мюнхен из глубокой провинции Германии. Ее жизненный путь был трудным и не таким радужным по сравнению с моим, но в чем-то схожесть была, по словам Хельги.

Хельга с азартом увлеклась воспитывать во мне уверенную и целеустремленную женщину, начиная с моего образа, заканчивая продвижением картин. Изначально я была против, ведь после беременности во мне образовалось столько комплексов и неуверенности в себе, что долго приходила в равновесие.

Беременность и роды проходили легко, но послеродовой период, дался мне намного труднее. Были моменты, что Сашка в возрасте полугода очень капризничал из-за первых зубиков. И бессонные ночи стали для меня близкой подругой. Мои накопленные сбережения, еще за время замужества, позволяли нанять няню, а иначе было бы намного сложнее, без поддержки родственников и близких. Родители приезжали в Германию несколько раз, и это для меня было ощутимой поддержкой, думая, что после развода, отец будет злиться и не разговаривать со мной. А контракт, заключенный с Востровым старшим, был аннулирован по желанию моего отца. Как объяснил он мне, что не позволит так обходиться с его дочерью. Я была обескуражена словами отца, не рассчитывая на его поддержку. Обе стороны, тогда понесли масштабные потери, и в дополнение — разрыв любых партнерских отношений по бизнесу.

И вот, после непростого периода годового декретного отпуска, я вышла обратно в галерею, где и начала стремительно меняться моя жизнь под руководством начальницы фрау Рихтер.

Первая моя выставка прошла в нашей галереи, и результат был неплох для малоизвестной художницы. Тогда продано несколько картин, за неплохой гонорар. Это подействовало

пусковым механизмом, на создание шедевров. И мое вдохновение меня понесло, а Хельгу преобразовать меня в роковую женщину. И что интересно, ей это удалось. Без какого-либо пафоса или хвастовства, она учила меня всему: стилю в одежде, выбору косметики, причесок и даже покорению мужских сердец.

— Спасибо, Хельга, — обнимаемся с ней, одаривая друг друга воздушными поцелуями.

— Ты готова? — смотрит проникновенно, оценивая мое состояние.

— Да. Ведь непросто туда еду, а с выставкой своих картин. Тем более, я давно не была на родине.

— Я рада за тебя, правда. Хоть и трудно отпускать мою жемчужину галереи, — она грустно улыбается.

— Ты так говоришь, будто уезжаю насовсем.

— Детка, жизнь сложная штука. Не знаешь, где окажешься завтра. И вообще, ты такая красавица, и тебя точно не отпустят русские мужчины.

Нервно улыбаюсь на ее шутку. Я совсем с ней не согласна. В Мюнхене меня с сыном будет ждать Сергей, и который совсем недавно предложил более серьезные отношения, чем сейчас. Переехать к нему, в городскую квартиру. Я пообещала подумать, пока буду с визитом в России пару месяцев. За это время нужно провести выставки и побыть у родителей в гостях на летних каникулах.

— Я вернусь, — твердо произношу начальнице. — Меня ждет Сергей.

— Сержи, Сержи. Да, он серьезный и видный мужчина. Такого грех упустить. Ладно, Женя, я желаю тебе удачи и покори русские галереи, чтобы так же взорвала их залы и не было отбоя от поклонников, — играет тонкими бровями, лукаво улыбаясь.

— Мне этого не нужно, мой поклонник будет не рад конкуренции.

Мы дружно смеемся над Сергеем, представляя, как он будет отбивать этих самых поклонников.

— Сегодня опять спрашивали про ту картину, — она кивает за мое плечо, где висит самое дорогое для меня произведение. — И почему ты не хочешь ее продать? — задумчиво и непонимающе пожимает плеча, полагая, что эта картина не имеет для меня ценности, но она имеет... к сожалению.

— Потому что она дорога мне, как память о прошлом, — с грустью отвечаю, повернувшись назад, рассматриваю свое творение, где изображены серые глаза. Картины дала название - «Арктический холод», ведь этот взгляд источал холодностью по отношению к другому человеку. А точнее ко мне.

Хельга уже смотрит с подозрением, прищуривая глаза и складывая пазлы в своей голове.

— Это он, да? Я угадала?

Просто молчу, не отвечая на ее вопрос. Но этого достаточно для нее, чтобы сделать вывод.

— Женя, я не вправе тебе указывать, как любить или не любить. Но дам совет: не потеряй себя. Ты поняла меня? — заглядывает мне в лицо, ожидая ответа.

— Не переживай, я уже давно перегорела.

— Нет. Это не так, ты сама себя обманываешь. Эта картина тому подтверждение, — показывает указательным пальцем за мою спину.

Не знаю, права она или нет, но эта картина и правда для меня дорога. Я ее писала в самое тяжелое и непростое для меня время, она внесла определенную лепту в моей жизни, и не готова с ней расстаться.

Поговорив еще пять минут с начальницей, мы прощаемся, в надежде, что скоро увидимся. Смотря на уходящую Хельгу, улыбаюсь с теплотой и нежностью к этой женщине. Она мне стала почти как мать. Внесла коррективы в мою личность, и я очень за это ей благодарна.

— Саша-а, — продолжаю искать своего негодника, выкрикивая имя.

— Мама-а, — из-за поворота несется навстречу мой пятилетний сын.

Он бежит с широкой улыбкой на лице и меня будто откидывает в прошлое, вспоминая такие же серые глаза и ямочки на щеках.

Как я могу избавиться от прошлого, когда рядом со мной живет живое напоминание о человеке, которого любила болезненной любовью.

Только вот, настоящий отец Саши, не знает о существовании своего сына. Я все сделаю, чтобы так и оставалось. Андрей все равно не хотел детей от меня, и Саша не должен видеть презрительный взгляд родного отца, как нежеланного ребенка.

Глава 5

— Я уже скучаю, — Сергей выдает негромко в трубку телефона.

После душа, в белом махровом халате, ложусь на двуспальную кровать. Саша уже как полчаса спит, уставший за время перелета.

— Придется потерпеть, — кокетливо отвечаю, откидываясь на подушки.

— Не знаю, очень сомневаюсь в этом.

Мне становится смешно, другая бы разозлилась, но не я.

Прилетев в Москву и заселившись в гостиницу, мы с Сашкой отдыхаем после четырехчасового перелета. По прибытию в Москву, сразу написала в мессенджере Сергею, предупредив, что будем заселяться в гостиницу. Уже позже, он позвонил, чтобы узнать подробности перелета.

— И что будешь делать? — наиграно кокетничаю.

— Рукоприкладство, слышала такое?

Представляя Сергея за этим самым занятием, меня пробирает на смех, негромко хихикая, чтобы не разбудить сына.

Секс у нас происходит не так часто, как бы нам хотелось. Виной тому — моя занятость в галереи и его руководящая должность в туристической компании, которая требует больше времени. И поэтому, Сергей предлагает переезд в его квартиру, сделать ответственный шаг — начать серьезные отношения, к которым я пока не очень-то готова. Но, пообещала подумать за эти два месяца, что буду в России.

Да и в принципе, к Сергею долго относилась, как к хорошему другу, и с которым познакомилась на выставке. В Германии он живёт очень давно, можно сказать с юношеского возраста, и чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Это мне приходилось адаптироваться к местному менталитету и их правилам. И насчёт отношений с мужчинами, не сильно задумывалась, все свое время посвящая сыну и работе. Поэтому, интерес к моей персоне со стороны Сергея изначально меня насторожил. Только потом мы немного сблизились, отвечая на его невинные приглашения в кино или кафе на чашку кофе. Он стал для меня хорошим другом, только и всего.

Но спустя полгода наших дружеских отношений, я приняла его ухаживания и откровенное признание в любви. Решила попытаться познакомиться, не могу же всю жизнь жить для сына, и не построить новую семью. Неудачный брак, конечно, оставил неприятный осадок, от чего мне было трудно снова поверить мужчинам. Но Сергей мужчина надежный, это поняла, дружа с ним почти год.

— Только не переусердствуй, — подыгрывая, шучу на его волне.

— Жень, ты же знаешь, что тебя очень сильно люблю, и не прошу отвечать взаимностью, но знай, ты для меня дорога. Я все еще жду твоего ответа о совместном проживании. Обещаю, ты об этом не пожалеешь, — почему-то слышу в его интонации мольбу. Такое чувство, что он считает я могу передумать насчет его. И даже теряюсь, не зная, что и ответить.

— Вот, когда приеду, поговорим, — стараюсь перевести во флирт.

— Обязательно. Я жду вас, моя великая художница.

Попрощавшись с ним, завершаю вызов и переворачиваюсь на бок. Время уже показывает десятый час вечера, и тянет спать. Рядом с собой разглядываю свернувшегося в калачик сына, мерно сопящего.

— Устал мой мальчик, — говорю шепотом, поглаживая его по пшеничным волосам.

Не замечаю, как сама засыпаю, ведь завтра будет насыщенный день и нужно быть отдохнувшей и выспавшейся.

На следующий день, с Сашей едем к моим родителям, пока буду занята в Москве подготовкой к выставке. И пока сын останется у них под присмотром, заодно погостив у девушки с бабушкой.

Папа изначально хотел нас забрать к себе, но решила, что не стоит, так как мне все равно придется снимать номер в гостинице, чтобы не ездить каждый день к родителям за город. Завтра еще предстоит заехать в галерею, для заполнения всех документов и встретить свои картины, которые привезут транспортной компанией.

Дел невпроворот, столько всего нужно будет сделать, что уже кружится голова.

А еще, я неотрывно смотрю в окно на заднем сиденье такси. С жадностью разглядываю утреннюю Москву, вспоминая времена, когда жила здесь.

Соскучилась и очень сильно, в груди такой трепет, что хочется кричать от радости: Наконец-то я дома! Ностальгия по родному городу меня не отпускала все эти шесть лет. Был момент, что очень хотелось вернуться, но вспоминая, из-за чего я уехала, в момент осадило, словно меня окатили ледяной водой.

Что мне известно об Андрее? Только немного, и то из нечаянно произнесенных уст моей матери, что он все-таки женился на Ларисе. От этой новости меня опять погрязло в пучину боли и страдания. С тех пор запретила маме, что-либо говорить о нем. Пусть лучше я не знаю: где он, с кем и как.

За эти годы, я с остервенением старалась забыть Андрея. Но память не сотрешь и чувства не вытравишь из сердца. Эта больная любовь оставила шрамы на сердце, которые не удалить и не убрать. Время притупило боль, но не избавило.

Мне кажется, я проклята, что до сих пор помню и чувствую потрепанную и израненную любовь к бывшему мужу.

Единственное, что от нашей связи хорошего, это мой сын, которого обожаю и боготворю. Вот, кто мой настоящий мужчина. Он моя отдушина и отрада, как награда за мучения в несчастливом браке.

Наша машина останавливается на светофоре, а я бурно рассказываю сыну о Москве, показывая и объясняя достопримечательности.

— Мам, смотри, а там что за такое красивое здание? — Саша показывает указательным пальцем в правое окно, у которого сижу я. Поворачиваю голову и замираю, уставившись в одну точку.

Рядом с нами поравнялась черная большая машина, а в ней за рулем...

Андрей.

— Андрей? Так и называется здание?

Черт! Я это сказала вслух? Прикусываю свой язык, чтобы больше не повторялось.

— Н-нет, сынок, это так, мысли вслух. Это здание называется “Оружейный”.

Сама не могу отвести взгляд до боли знакомого профиля. Его профиль я узнаю из тысячи. Это Андрей. И никто больше.

В груди бахает, тараня грудную клетку. Все тело дрожит от нервного перенапряжения. Наклоняю голову, скрывая ладонью свое лицо, создавая видимость, что у меня болит голова.

“Пожалуйста, лишь бы не увидел!”, мысленно обращаюсь к высшим силам.

“Ну, почему в городе-миллионнике, я встретила его в первый день приезда?”

Глава 6

Всю дорогу до родителей ехала, как в каком-то вакууме. Перед глазами до сих пор стоит образ Андрея. И шрам, который затянулся, начал ныть с ноющей болью и расходиться в стороны. И я презираю себя, что так реагирую на бывшего. Очень надеюсь, что больше его не увижу.

Через час с Сашей приезжаем к моим родителям. Нас встречают с теплотой и радостью. И все же, как я соскучилась по ним и по родному дому. Ностальгия затапливает с головой, вспоминая годы детства и юности, проведенные здесь.

— Какая радость, что вы приехали. Сашка вообще в таком восторге, словно увидел диковинку. Почаще приезжайте к нам, Женя, — мама смотрит с таким жалостливым взглядом, видно, что им тоскливо без нас, ведь единственная дочь у них, и больше некому навещать.

— Да, Женя, приезжайте почаще, а то мама каждый день по вам тоскует, — соглашается папа.

Из-за этого меня терзает совесть, что вот так их оставила и уехала в другую страну. Постоянно ставлю себя на их место, что и такая же участь может постигнуть меня, когда Сашка вырастет.

— Мам, пап, обещаю, мы теперь будем чаще приезжать, не только с выставкой, а просто погостить, — смотрю на родителей с печалью и обнимаю их крепко.

— Ладно, проходите, скоро обед, — мама приглашает нас внутрь дома.

Для Саши родители подготовили комнату, оформив ее в его любимых мультипликационных персонажей. Он остался в таком восторге, что радовался и восхищался даже кровати в образе синей «Феррари».

За обедом мы, не умолкая разговариваем на различные темы — от папиного бизнеса, что процветает с каждым годом, до моего проживания в Германии, успехов в искусстве и о Сергее.

— А этот Сергей не обижает тебя? — интересуется папа с подозрением.

— Нет, ты что! Он очень добродушный и хороший человек. Иногда, мне кажется, что он свидетель Иеговы, до такой степени беззлобный мужчина, — дружно смеемся над моими словами.

— Это хорошо. Пусть у моей дочери все сложится намного лучше, чем... — резко замолкает папа, поняв, что начинает говорить лишнее.

Я опускаю взгляд на свою тарелку с блюдом, потому что мне становится не по себе, вспоминая увиденное несколько часов назад.

— Ладно уж, говори, как есть. Женьке уже все равно на него. У нее Сережа есть, — мама машет рукой на отца. Но папа непреклонен, смотрит осуждающе на маму, показывая ей, что не стоит. — Да, жалко мне его, Павел. Он так-то не плохой человек, да, отнёсся к Жене из вон плохо, но это виноваты вы с Константином, заставляя наших детей принудительному браку, — мама с осуждением причитает на отца.

Я укоризненно смотрю на маму, чтобы не начинала даже, но она продолжает:

— Все у него плохо. И я искренне ему сожалею. Ладно, не буду говорить, — смотрит на отца, ища в нем поддержки, будто разговаривая с ним ментально, явно не предназначено для моих ушей. Отец тоже молчит и опускает голову, стараясь не смотреть на меня.

Я перестаю жевать, зависая после маминих слов и их реакции. Под ложечкой сосет, предчувствуя, что узнаю нелицеприятное, но мое женское любопытство всё-таки распирает.

— Раз уж начала, то договаривай, — произношу севшим голосом, запив бокалом воды.

С печалью в глазах мама долго решается: сказать мне или нет, посматривая украдкой на отца, но тот никак не падает признаков осуждения или злости. И тогда она это определяет, как знак одобрения.

— Как тебе рассказать? Наверно, начну с начала. В общем, развелся с тобой и через полгода женился на своей красотуле. Но, разорванный контракт с Павлом, дал трещину в бизнесе Востровых. Константин был так зол на Андрея, что они совсем перестали общаться и даже отказался от собственного сына. Андрей естественно гордый мужчина, начал сам создавать свой бизнес, вроде что-то связано с производством мебели. У него плохо получалось. Шиковать, как раньше, уже не мог. Продал свою квартиру в элитке, машину дорогущую, купил скромную двушку, а остальные деньги вложил в бизнес, но бизнес так и не шёл. Где-то через полтора года, с помощью эки процедуры его красавица рождает ему сына. Вроде счастье, да блажь, но что-то не клеится. Сыну исполняется три года, они узнают, что он болен... — мама замолкает, опуская взгляд и украдкой поглядывает на Сашу. — В общем у их сына обнаружили рак костного мозга на начальной стадии. Все деньги уходили на лечение сына, но донора так и не нашли. Сам Андрей и Лариса не подошли. В итоге *эта* женщина, даже не могу назвать ее таким словом, бросила семью — больного ребенка, мужа и укатила в закат с каким-то богатым хахалем, как оказалось, она с ним уже давно шуры-муры крутила. И Андрей остался один, с больным ребенком на руках. Обозленный на весь мир, он начал заниматься нелегальным бизнесом, лишь бы только спасти сына. Константин с сыном так до сих пор и не общается, и Андрей из-за гордости, даже не пытается спрашивать у отца деньги на лечение своего сына. Павел связался с ним и предложил свою помощь, все-таки жалко мальчишку, у самих растёт такой же внук, вот и пожалел его. Но Андрей наотрез отказался, усердно занимаясь подозрительными делами. Вот так происходит, Жень. А ты ж думала, что он упивается счастьем и живет на полную катушку, а не тут-то было, — мама цокает и тяжело вздыхает и опять смотрит на Сашку. И я читаю ее взгляд, о чем она думает, но старательно не произносит вслух.

И то, что мама рассказала, привело меня в такой шок, что всю ночь не могла уснуть, прокручивая в голове рассказ о жизни Андрея.

Никогда не желала ему плохого. Да, обида была и есть, но такого, никогда.

Ничего не могу с собой поделать, слезы сами скатываются из глаз. В груди щемит невероятно, вплоть до колющей боли в сердце. И я в таком тупике сейчас, совершенно не знаю, что делать.

Глава 7

Вся подготовка к выставке обычно занимает неделю, но мы управляемся быстрее. Помощники в галерее очень ответственные и опытные сотрудники, знающие свое дело. Открытие назначено на десятое июня и у нас есть в запасе три дня. Рассылками приглашений занимается молоденькая девушка по имени Юлия, очень хорошая и веселая девушка, мы с ней в момент сдружились. Для моих картин выделили самый главный зал, и это меня даже польстило. Как признались многие, меня очень ждали с моими картинами, прогремевших на всю Германию.

Картина “Арктический холод”, также будет участвовать, хоть я и не хотела. На ней настояла Ольга Викторовна, хозяйка галереи, объяснив, что это гвоздь программы и ее я даже не имею права не выставить.

Сашка по-прежнему гостит у моих родителей, пока я занимаюсь своими делами. И что интересно, он даже не успевает по мне соскучиться, единственного и дорогого внука постоянно возят на экскурсии и развлекательные детские парки.

Все бы ничего, дела идут в гору, все движется, поднимается, надо радоваться, но который день, я не нахожу себе места, думая о мамином рассказе.

Напоминание всему этому, различные баннеры на городских улицах, листовки, автоматы со сбором благотворительной помощи больным детям. И встречая их, мое сердце сжимается, думая о мальчике, который борется с жизнью и возможно, я могу ему помочь.

Эта мысль жужжит каждый день, каждый час, каждую минуту. Только подумаю, что это может случиться с моим Сашей, сердце кровью обливается и я начинаю плакать. И вдруг, где-то ходит человек, который в силах помочь моему мальчику, а он, зная о нашей проблеме, даже не пытается сделать попытку.

Совість меня съедает сильнее и сильнее. Начинаю себя чувствовать стервой, которой плевать на чужую жизнь, только из-за того, что отец этого мальчика, в прошлом меня сильно обидел. Разве мальчик в этом виновен? Нет. Он ребенок, которому не очень повезло в этой жизни. Но есть такой маленький шанс, чтобы это исправить.

И поэтому, сейчас я стою у здания детской онкологической клиники, смотря на главный вход, куда заходят и выходят люди.

Адрес частной клиники дала мама, и она будто даже вздохнула с облегчением, когда ей позвонила, чтобы узнать точный адрес, и пожелав напоследок: “С Богом!”

Захожу в клинику и прямиком к регистратуре, где интересуюсь о пациенте по имени Михаил Востров Андреевич. Милая, улыбающаяся девушка охотно идет мне на помощь, подсказав на каком этаже находится данный пациент.

Поднявшись на четвертый этаж, подхожу на пост с дежурной медсестрой, которая, что-то усердно пишет в своих бумагах.

— Здравствуйте! Не подскажете, как мне пройти к Михаилу Вострову?

— А вы кто? — темноволосая девушка, отрываясь от бумаг, поднимает голову и смотрит недоуменными глазами.

— Я родственница, — откровенно вру.

— Раз родственница, то вы должны знать, что к нему никого не пускают, он на карантине, — с холодностью в голосе отвечает эта милая девушка.

— Ясно. Даже посмотреть нельзя, не контактируя?

— Можно, — оглядывает уже с большим интересом с ног до головы. — Но Андрей Константинович ничего не говорил о посторонних.

Я обращаю внимание на ее бейджик, чтобы обратиться к ней по имени:

— Надежда, я долго не буду, всего пять минут. Потом мне нужно поговорить с его лечащим врачом.

— Мне надо предупредить отца мальчика, — с подозрением косится и тянется за мобильным телефоном.

Осознав, всю катастрофу, что сейчас произойдёт, я останавливаю ее действия:

— Надежда, не нужно. Я бы не хотела, чтобы отец мальчика не знал о моем везите, — спешно начинаю рыться в сумочке. Вынимаю незаметно из кошелька сто евро и тихонько, незаметно от других глаз, подсовываю под бумаги, что лежат на столе. Надежда смотрит растерянно, а когда поднимает стопку бумаг и видит номинал купюры. У девушки брови ползут вверх от увиденного. — Под вашим присмотром я просто взгляну на мальчика, а потом поговорю с его врачом, хорошо? Это просто невинный визит, — растягиваю искусственную улыбку, пытаюсь ее очаровать, но похоже сто евро лучше очаровывают, потому что Надежда уже откладывает в сторону мобильный и торопливо убирает купюру себе в карман медицинского халата.

— Хорошо, пройдемте со мной.

Следую за этой хрупкой девушкой по широкому коридору, а у самой сердце вот-вот выпрыгнет из грудной клетки, выбивая частый ритм. Я боюсь увидеть Мишу и в то же время мне это нужно, чтобы понять степень катастрофы.

Надежда подводит меня к палате, где есть огромное прозрачное окно. Я медленно подхожу к окну и заглядываю в просторную палату, где маленький мальчик сидит на кровати, а рядом с ним на стульчике сидит женщина в белом халате и с маской на лице, похоже читая ему книгу.

Прикрываю ладонь ко рту, чтобы ненароком издать писк, потому что мне невыносимо больно видеть совсем маленького, худенького, с бледной кожей, как стены палаты мальчика. На голове голубенькая шапочка, похоже скрывающая бритую голову.

Слезы непроизвольно стекают по щекам, прокладывая влажные дорожки. Невыносимо видеть его в таком состоянии, это очень тяжело. Мне даже трудно определить на кого он похож, но черты лица больше склоняются к Ларисе.

— Это вы его мама? — неожиданно произнесенный голос медсестры, выводит меня из шока.

Я отрицательно мотаю головой, не в силах произнести ни слова.

— Жаль. Он так ждет свою маму, — говорит с таким горьким сожалением.

Так больно за Мишу, что появляется жгучая злость на Ларису, что так безжалостно поступила, оставив такого маленького и беззащитного мальчика.

Как же так можно?! Как?!

Глава 8

— ... лейкоз на ранней стадии. Назначена химиотерапия, но мальчику срочно требуется донор, которого мы еще не нашли. Отец Михаила хочет увезти его в Израиль, но сами понимаете, там дорогостоящее лечение и средств на них у него нет. Насколько знаю, собирает определенную сумму. Время, к сожалению, не ждет. Но, а мы, собственно, делаем все, что от нас зависит. Только тормозим рост опухолевых клеток в крови, не позволяя перейти в острый лейкоз.

Врач Владимир Нестерович, сложив ладони на стол и сцепив их в замок, со всеми подробностями делится со мной о состоянии Миши. Каждое слово, произнесенное им, приводит в шок, недоумение и отчаяние. Зайдя в кабинет Владимира, изначально был настроен против того, чтобы рассказывать о состоянии пациента. Но мои слова: “Возможно есть шанс помочь Мише”, врач уже с одушевлением рассказывает мне всю степень ситуации с Мишей.

— Вы сказали, что есть шанс помочь? Какой? — спрашивает врач.

Я мешкаю, собираясь с мыслями. Затем достаю из папки, что принесла с собой, увесистую медицинскую карту Саши и кладу ее на стол Владимира. Только один минус в карте — там записи на немецком языке.

— Это карта моего сына. А точнее, он единокровный брат Миши, отец у них один. Узнав о том, что у бывшего мужа болеет сын, взвесив все за и против, решила прийти к вам, а вдруг мой сын сможет помочь Мише.

У врача брови ползут в верх, неотрывно смотря мне в глаза, долго молчит, переваривая мою тираду.

— Но... Андрей Константинович говорил, что у Миши нет братьев и сестер, — он опускает недоумевающий взгляд на карту, вчитываясь в имя пациента, хоть на ней и написано латинскими буквами, но прочитывать личные данные не проблема.

— Андрей не знает о существовании сына. И надеюсь, все так же и станется, — смотрю на него с вызовом, показывая, что настроена серьезно.

Владимир не обращает внимание на мои слова, продолжая читать карту Саши.

— Вы просто чудо! Как к вам обращаться? — после того, как с него спало шоковое состояние, врач судорожно начинает листать карту.

— Евгения.

— Евгения, вы понимаете, что вы сейчас совершаете? Вы... я даже дар речи потерял. Это же чудо, натуральное чудо! Мы так отчаялись. Надо, конечно, сначала проверить на совместимость, радоваться рано. Но, хочется быть уверенным, что так и будет.

Владимир Нестерович настолько возбужден об услышанной новости, что теряет и дрожащими руками ищет на столе нужные бумаги.

— Владимир Нестерович, какие риски и последствия для моего сына, если все же он подойдет в качестве донора?

— Могу вас заверить, риск в том, что забор костного мозга может пройти неудачно, но это практика не в нашей клинике. Здесь вам гарантирую, что все делается с профессиональной подготовкой. Единственное, побочные эффекты будут, от них никуда не деться. Но их пережить можно, не так уж критичны. Обычно проявляется: тошнотой, слабостью в теле, ломота костей. Через неделю он станет как огурчик. Давайте, я вам дам назначение на обследование вашего сына и сдачи анализа на совместимость. Чем раньше, тем лучше, Евгения.

Владимир смотрит с такой надеждой в глазах, будто я уже передумала. Обдумывая несколько дней свое решение, я настроилась помочь ребенку, но увидев Мишу, никаких сомнений не осталось. Мое материнское сердце обливается кровью, зная, что ему почти нечем помочь.

— Только, пожалуйста, требую полную анонимность, никто кроме нас с вами не должен знать имя донора, — со всей строгостью произношу, требуя выполнить мои условия.

— Не беспокойтесь, я все сделаю, чтобы никто не узнал.

С Владимиром договорились, что сына привезу к ним через четыре дня, так как у меня запланирована выставка и времени на беготню по клинике — у меня нет.

Выхожу из кабинета врача, я облегчено выдыхаю, прислонившись о стену, собираю себя в кучу и перевариваю весь разговор с Владимиром.

Чувствую растерянные чувства: а вдруг мой сынок не подойдет и тогда... Тогда я всевозможными силами, помогу Андрею собрать нужную сумму на лечение в Израиль и опять же, как анонимный благотворитель. Кто знает, может там действительно повезет.

Уверенная в себе, направляюсь на выход из клиники, смотря вперед невидящим взглядом, потому что все мои мысли в палате, где лежит маленький мальчик.

Задумавшись, у входа натыкаюсь на прохожего, несмотря на него, извиняюсь и иду дальше.

— Женья?!

Сердце ухает вниз, замирая и переставая биться. Я застываю на месте, боясь повернуться на окликающего. И точно знаю, кого увижу.

Дорогие читатели, сегодня небольшая глава и завтра продолжим.

Глава 9

— Андрей! Привет! Какая неожиданная встреча! – натягиваю маску дружелюбия. Все тело напрягается и выдавливаю из себя улыбку.

Вот, блин, надо же было столкнуться с ним.

— Привет, – подозрительно отвечает, сощутив свои глаза. — Какими судьбами здесь?

«Обычными. И все из-за твоего сына», вспыхивает первая попавшаяся мысль.

— Навещала подругу, она здесь лежит с ребенком, – придумываю на ходу, не переставая улыбаться и строить из себя дурачку.

— М-м. И давно ты приехала в Москву? – уже пристальнее разглядывает меня, скользя взглядом по лицу и одежде. И об этом взгляде я мечтала пять лет, пока безответно была влюблена.

Интересуется из вежливости или на самом деле интересно?

— Недавно приехала, дней пять назад, – стараюсь изо всех держать нейтралитет, не показывая насколько мне сейчас трудно дышать рядом с ним, а в груди так клокочет, кажется, что слышно всем.

— Понятно. С приездом тогда.

В его глазах уже невидна той холодности, чтобы было всегда по отношению ко мне, когда мы были женаты. Сейчас там отрешенность и печаль.

— Спасибо большое. Ладно, мне нужно идти, меня ждет такси, – смотрю на наручные часы, говоря ему с таким видом, будто он мне безразличен.

Нет мочи сдерживать себя, нужно скорее убираться отсюда. Это пытка, стоять рядом с ним в нескольких сантиметрах: чувствовать его запах, видеть в живую после стольких лет и смотреть в его глаза, которые до сих пор не могу забыть.

— Да, конечно. Не буду задерживать, – на секунду показалось, что он расстроен, но уже вижу, что ему безразлично.

Прощаюсь и выхожу из здания клиники. Попав на свежий воздух, вдыхаю глубоко и облегчено выдыхаю, умиряя свой разбушевавшийся апокалипсис в груди. Трогаюсь с места и иду к главным воротам.

— Женя, – резко раздается за спиной знакомый голос, когда я уже подхожу к кованым воротам частной клиники.

Оборачиваюсь на оклик. Андрей спешит ко мне, весь такой красивый и высокий, только он изменился за эти шесть лет, стал более взрослым и мужественным.

— Это конечно не здесь нужно говорить, но все же... Хочу попросить у тебя прощения за все два года, что пришлось со мной жить. За то, как обходился с тобой. Ты этого не заслуживала, а я был идиотом. Пожалуйста, прости, мне это очень нужно, – в голосе звучит мольба и отчаяние. Я даже теряюсь от этих слов, не зная, что ответить.

— Да ну ты брось, Андрей, я давно забыла о нашем браке и тебе того же советую. Нечего прощать. Мир, дружба, жвачка? – улыбаюсь дружелюбно, показывая, что мне безразлична вся ситуация. Протягиваю ему свою ладонь, в знак примирения.

Андрей отвечает, схватив своей большой и теплой ладонью, и меня бьет током, да так, что резко отнимаю свою руку, при этом натянуто улыбаясь.

— Я рад, что у тебя все хорошо, – смиренно произносит, а у самой сердце обливается кровью, выворачивая наизнанку. — Ты надолго в Москве? Может выпить бы в честь дружбы и применения по чашке кофе, как на этомотришь?

— Даже не знаю, – совсем теряюсь от его предложения.

«Дура, какое кофе? Сейчас же откажи ему! И не вздумай подпускать к себе ближе, чем положено», вопит мой здравый смысл.

— У меня очень заняты эти дни. Нужно готовиться к выставке, – прикусываю язык, что выдала о себе подробности.

— Выставка?! – произносит непонимающе.

— Ой, я же художница, вот и занялась картинами. Андрей, мне надо бежать, честно. В следующий раз как-нибудь, – строю невинную гримасу, пытаюсь загладить свой косяк.

— Хорошо, не буду задерживать. Пока, – чувствуется разочарование в его интонации.

— Пока.

Теперь уже точно прощаемся. И я почти сбегаю с места преступления, с изодранной грудной клеткой. И только в такси, даю волю чувствам, тихонько плачу на заднем сиденье.

Для него может эта встреча ничего не значит, только лишь бы закрыть гештальт, выпросив у меня прощения. Но для меня это полная катастрофа, возврат в прошлое и переживать все заново.

Нет! Ни за что! Это тяжёлый пройденный этап моей мучительной жизни, от которой я еле освободилась. И назад, ни за что не вернусь. Я. БОЛЬШЕ. ЭТОГО. НЕ ХОЧУ!!!

Дорогие читатели, не знаю как так произошло, но 8 глава была не полностью выложена, я ее сейчас исправила, и те кто, не смог нормально прочитать, то милости прошу)) Извиняюсь за конфуз)

Глава 10

Стою у зеркала в служебном кабинете галереи, кручусь перед ним, рассматривая свой образ. Сегодня в такой ответственный день, надела черное прямое платье в пол с поблескивающими стразами.

Поправляю выбившуюся прядь из прически, приглаживая волосы. Достаю помаду из клатча и наношу алую помаду. Раньше я боялась этого оттенка, думая, что буду выглядеть вульгарно. Но повзрослев и пройдя школу Хельги, поняла, что была глупой девочкой с монашескими замашками.

— Ну, что, в главном зале собираются гости, все в таком восторге и ждут твой выход, — в кабинет заглядывает Юля, светлая и жизнерадостная девушка.

— Да, все, иду, — последний взгляд на свое отражение и выхожу из кабинета.

Мои глаза расширяются, когда вижу впереди разноцветную толпу народа. И такое чувство, что все пришли за последней моделью “Яблофона”.

— Юля, а что так много-то? — недоуменно спрашиваю помощницу.

— Так я пригласила бомонд города, но, если честно, сама в шоке. Не думала, что будет столько желающих. Здесь и известные блогеры, актеры, певцы, и даже политики. Похоже, сарафанное радио сработало на ура, — говорит с таким воодушевлением, что ее настроение передается мне. — Все хотят посмотреть на работы художницы из Германии.

— Ты молодец, Юля, похвально, но у меня столько картин нет, — нервно посмеиваюсь. — У нас хоть напитков и закусок хватит?

— С разрешения Ольги Викторовны я сделала дополнительный заказ, — тараторит Юля, шествуя за мной.

Мы с ней выходим в основной зал, и по микрофону ведущий сегодняшнего вечера, начинает объявлять о моем появлении:

— Дамы и господа, леди и джентльмены, представляю вашему вниманию виновницу сегодняшнего вечера: несравненная, привлекательная и обаятельная художница — Евгения Полянская, — ведущий растягивает мое имя, будто ринг-анонсер объявляет бой боксеров.

Все посетители начинают крутить головами, высматривая мою персону. Чувствую легкое стеснение, хоть и привыкла к особому вниманию к себе.

Все улыбаются, при виде меня, произнося слова благодарности и восхищения выставкой:

“Спасибо, что пригласили”, “Какая потрясающая выставка!”, “Евгения, вы просто талантлище, браво!”

Я так себя в Мюнхене не ощущала, как сегодня, чувствуется другая аура и менталитет, больше подходящий ко мне. И их оценка для меня стоит высших похвал, реагируя на это по особому. Наверно, хожу с румяными щеками от потока лестных комплиментов в сторону моего творчества и ко мне лично.

— Евгения, ты просто зажгла нашу галерею, разве так можно? Еще ни разу не было такое огромное количество посетителей, — откровенно восхищается Ольга, хозяйка галереи.

— Спасибо, я сама не ожидала, думала мало кого интересует творчество малоизвестной художницы из Германии.

— Не скажи, о тебе многие наслышаны, поэтому и пришли столько желающих. Честно говоря, всех очень сильно интересует твоя картина “Арктический холод”, потому что ты ее единственную не хочешь продавать.

Я машинально смотрю на стену, где висит картина. Возле нее столпилось огромное количество людей, снимая на камеры своих телефонов. Это удручает и в то же время прельщает, что есть интерес к моему творчеству.

По обычаю сама лично провожу экскурсию, рассказывая о каждом своем произведении. Желающих послушать огромное количество, как потом выясняется, даже присутствуют журналисты, которые закидывают вопросами о творчестве и личной жизни.

— Евгения, а почему вы не хотите продать картину с глазами? Чем она вам так важна? Они принадлежат очень вам близкому человеку?

Голова начинает кружиться от многочисленных вопросов, только и остается натянуто улыбаться, делая вид, что они не вызывают неудобств.

— Для меня эта картина важна тем, что написана не в простой период для меня. И ничего сверхъестественного, — отвечаю неоднозначно.

— А что за период, если не секрет? Это связано с разводом? Глаза очень похожи с вашим бывшим мужем, — какая-то занудная особа, с кудрявой копной рыжих волос, задает слишком личностные вопросы, копаясь в грязном белье. Мне это совсем уже не нравится, и начинаю искать глазами Ольгу, чтобы пришла на помощь, отвлечь эту наглую журналистку.

Найдя ее, она без слов понимает мои метания, начинает отвлекать на себя публику, отвечая на вопросы. Я же незаметно отхожу в сторону, чтобы перевести дух.

Нет уже той эйфории, что была несколькими минутами назад, мне хочется поскорее уйти отсюда, но естественно я так поступить не могу. Желающих приобрести мои картины немалое количество и остаток вечера, приходится им рассказывать суть моих работ.

К концу выставки я вымотанная и уставшая, иду в уборную. Привожу себя в порядок. После направляюсь в служебный кабинет, для оформления документов на приобретенные мои работы. Посетители почти разошлись, остались те, кто опоздал и уже в спокойной обстановке рассматривают картины.

В принципе, я довольна выставкой, несколько моих работ приобрели хозяев, а значит, мое мастерство не так уж бездарное, как я думала еще четыре года назад. У меня уже есть пару идей, вдохновленными поездкой в Россию. Как приеду в Германию, займусь этим, чтобы пополнить свой ассортимент.

— Ну, что, Юль, я поеду? — встаю с кресла, читая присланное сообщение службой такси об оповещении подъехавшей машины.

— Да, конечно, если будут клиенты, обязательно сообщу. Я тоже скоро закончу и буду закрывать галерею, — она устало произносит, растягивая ноги и откидываясь на спинку кресла.

— Спасибо вам всем, за такую грандиозную организацию выставки, вы королевы! Особенное спасибо тебе, Юля, — искренне благодарю Юлю и их команду.

— Да не за что. Я только рада организовывать для таких талантливых художников.

— Ладно, удачи вам здесь. Я пойду, — прощаюсь с Юлей и выхожу из кабинета, цокая каблучками по мраморному полу.

Звук каблучков отдаются эхом по пустующим помещениям галереи. Посетителей не осталось, и значит Юле уже можно закругляться. Заворачиваю по коридору, проходя мимо картины “Арктический холод” и резко останавливаюсь, потому что у этой самой картины стоит мужчина. По силуэту и широкой спине, со сложенными руками в карманах брюк, я точно знаю кто именно стоит.

Сердце обрывается. Вся кровь приливает к лицу. Руки холодеют. От растерянности и страха, трогаюсь с места и спешно прохожу мимо, только бы он меня не заметил.

— А говорила, забыла и советовала сделать то же самое, — раздается эхом его голос за спиной.

Я резко торможу, не решаясь обернуться. Набираюсь смелости, вдыхая полной грудью воздух и медленно поворачиваюсь к Андрею, который продолжает стоять ко мне спиной.

— Андрей?! — прочищаю горло, прежде чем произнести его имя.

— Красиво нарисовала. Говоришь: в трудные времена? — все-таки удосуживается повернуться в мою сторону и меня обжигают горящие глаза бывшего.

И я не могу определить, он недоволен, зол или наоборот польщен, что на картине изображена его часть тела.

Глава 11

— И все-таки нам стоит посидеть за чашкой кофе. Отказов не принимаю, — уверенно произносит. Подходит ко мне ближе, берет за локоть и выводит на выход из галереи.

Кожу жжет в том месте, где большая и широкая ладонь Андрея сжимает мою руку, не оставляя возможности выхватить.

— Андрей, отпусти меня, ты делаешь больно, — делаю попытку вразумить человека.

— Потерпишь, — отвечает равнодушно.

Выводит меня из здания и направляется к парковке.

— Слушай, наши пути давно разошлись и сейчас уже неактуально распивать кофе. Тем более у меня есть молодой человек и ему явно не понравится, что пью кофе в компании чужого мужчины, — тараторю Андрею, еле поспевая за ним на каблуках, цокая по асфальту.

— Это займет полчаса, не больше, уверяю.

Мы подходим к огромному черному внедорожнику. Он открывает переднюю дверь, помогает мне усесться на переднее пассажирское, захлопывает за мной дверь, а сам обходит машину спереди и размещается на водительское.

Я искоса поглядываю на него, негодуя от наглости бывшего. Как остался беспардонный, такой и есть.

— Андрей, ты вообще понимаешь, что ты творишь? Я тебе не двадцатилетняя девушка, с которой так можно обходиться, — закипаю от его выходки.

Несмотря на меня, отвечает: “угу”, и заводит двигатель, вырывая на главную дорогу. И меня это еще больше выводит, закипая от его хамства.

Молча отворачиваюсь к боковому окну, не пытаюсь с ним даже заговорить. Меня сейчас всю распирает от злости и хамского поведения Андрея. Я не девочка, чтобы так обходиться со мной. Мы с ним давно никаких дел не имеем и уж тем более не муж и жена. И не имеет никакого права просто взять и запихнуть меня в машину.

— Пристегнись, — произносит спокойным голосом.

Я игнорирую, не реагируя на его просьбу. За окном не замечаю городской пейзаж, где уже стемнело и горят огни, перед глазами все меркнет в одно пятно от злости.

Неожиданно ощущая его прикосновение к своему животу и, дергаюсь, как от электрического тока.

— Если сама не хочешь, тогда это сделаю я, — звучит его голос возле моего уха.

Как можно сильнее вжимаюсь в сиденье, чтобы увеличить, между нами, расстояние, лишь бы только не ощущать прикосновения и тепло его тела. Затаив дыхание, перестаю дышать от близкого контакта. Все внутренности скручивает от такой неожиданности.

“Не так я представляла закончить этот вечер”, мысленно скулю от безысходности.

Он защелкивает замок ремня и отстраняется на безопасное расстояние. И я выдыхаю с облегчением, расслабляя мышцы тела.

— Куда едем? — все же решаюсь заговорить, смотря на его профиль.

— Здесь рядом, — коротко отвечает, не отрываясь от дороги.

Пользуясь моментом, разглядываю его лицо в свете городских фонарей. В уголках глаз мелкие морщинки, что раньше этого не наблюдала, на скуле легкая небритость. Руки напряжены, выделяются рельефные мышцы и жгуты вен, это выглядит так мужественно, что пальцы так и зудят, чтобы потрогать. Когда-то я любила любоваться им, помню каждую его черточку. Сейчас же все это для меня чужое и будто незнакомое, он уже не мой и никогда им не был.

Он подъезжает к светящемуся светодиодной подсветкой двухэтажному зданию. Паркуется и глушит мотор. Молча выходит из салона. Я незамедлительно хочу открыть дверь, но

меня опережает Андрей. Протягивает свою ладонь для помощи, но старательно игнорирую ее и своими усилиями выхожу из машины.

— Не дуйся, просто кофе и поговорим.

— Прежде надо спрашивать, а не силком запихивать в машину и везти черти куда, — с недовольством отвечаю, бурча себе под нос и не глядя в его сторону.

Задираю нос и иду вперед него. Открываю стеклянную дверь заведения и захожу внутрь. Остановившись у ресепшена, скрещиваю руки на груди и жду дальнейших действий Андрея.

Девушка администратор улыбается мне белозубой улыбкой. Замечает Андрея позади меня и ее глаза расширяются, часто моргая пушистыми ресницами.

— Андрей Константинович?! Какая приятная неожиданность. Вы желаете поужинать? — тараторит как из пулемета.

— Да. ВИП свободно? — строгим голосом отвечает ей.

Девушка нервничает, растеряно поглядывая в свой планшет.

— Да, свободно, можете пройти, — часто кивая головой как болванчик, указывает рукой в сторону зала.

Не отвечая ей, просит меня следовать за ним. Это явно не кафе, а ресторан, здесь интерьер и обстановка вычурная, поблескивая своим шармом и шиком. Основное помещение обставлено современной светлой мебелью и в тон им стены. Мы проходим в другую зону зала, где расположены несколько ВИП кабинок. Посетителей не так много, что немного успокаивает, а значит не будет лишних глаз и ушей, если меня кто узнает.

Андрей запускает меня внутрь кабинки и подзывает официанта. Внутри угловой белый кожаный диван и в центре стол с белой скатертью. Усаживаюсь и наблюдаю за Андреем. К моему облегчению он садится подальше от меня. Следом за нами заходит молодой официант в кипенно-белой рубашке и черных брюках, держа в руках меню.

— Как смотришь на то, чтобы поужинать? — Андрей вопросительно смотрит серыми пронзительными глазами, ожидая моего ответа.

— Не стоит. Обойдусь чашкой зеленого чая, на ночь кофе не пью, — буркнув ему.

— Тогда два чая, один зеленый, другой черный и фирменный десерт повара, — дает команду официанту, и тот кивнув выходит из кабинки.

— Давай не будем терять время. О чем хотел поговорить? — стараюсь говорить ровно, без дрожи в голосе.

Андрей с ухмылкой наблюдает за мной, отчего мне становится неловко, будто мое лицо сейчас испачкано и я об этом не знаю. Теряюсь, опуская взгляд на стол, чувствуя себя неловко.

— А ты изменилась?

— Ну так, шесть лет прошло, взрослою, — говорю с сарказмом.

— Жень, я правда хочу, чтобы ты меня простила за мое скотское поведение. Я был козлом и это признаю. Твоей вины не было, но я слепо верил, что ты являлась тем гвоздем, что забили в наш брак. Честно признаюсь, к тебе чувствовал презрение и ненависть.

И меня будто возвращают в те годы, когда ощущала себя ненужной вещью, мебелью. В носу щиплет, а в глаза словно насыпали песка, начинают слезиться, но я старательно это скрываю, стараясь держать себя в руках.

— Я тебя прощаю. Надеюсь на этом все? — не смотрю на него, иначе не выдержу, и лавина эмоций накроет с головой.

— Нет. Это не искренне, Жень. Ты это произнесла, чтобы только от тебя отстал. Жень, ты не представляешь, как я мучаюсь по этому поводу, — понижает голос, произнося с хрипотцой.

Андрей кладет свою ладонь на мою и произносит:

— Жень, посмотри на меня, пожалуйста.

Я отрицательно мотаю головой, не решаясь поднять голову, потому что я не выдерживаю и слезы начинают скатываться по щекам.

Его рука жжет неимоверно, кожа плавится в этом месте, а в груди вновь скрываются все затянувшиеся раны.

— Жень, прости, — шепотом произносит, поднося к своим губам мою ладонь.

Я пытаюсь вырвать, потому что это мучительная пытка. Я не железная и не такая сильная как кажусь с виду, надвигающаяся истерика вот-вот прорвет все преграды.

— Давай поговорим по душам и нам обоим станет легче. Только посмотри на меня очень тебя прошу.

Медленно поднимаю на него глаза полные слез. И впервые я вижу в его взгляде не презрение или жалость, а раскаяние и отчаяние.

Что-то внутри обрывается, и меня уносит:

— По душам? Правда хочешь этого? — он кивает в ответ. — Тогда слушай...

Глава 12

— Моя жизнь в тот период приобрела темный оттенок, будто надо мной сгустились серые тучи. Казалось, что от меня оторвали часть тела, без которой стало неудобно жить и проблематично. Я как раненный зверек ползла, стараясь выжить среди опасных хищников. Твое предательство и равнодушие очень сильно побили по моей самооценке, я чувствовала себя не то, чтобы раненым зверьком, а отходом, ненужным материалом, лишней деталью в механизме. Думаю, не стоит говорить, что тогда чувствовала к тебе, об этом говорила в день моего ухода. Да, мы оба не виноваты в создании нашего брака. Ты любил другую, а я любила тебя. Этот треугольник боялась разорвать, потому что должна была выйти из него и потерять тебя навсегда. И поэтому я терпела твою измену, боясь потерять. Но наступил край, когда терпеть не было мочи, и разорвать порочный треугольник все равно пришлось бы, иначе теряю себя как личность, которая не заслужила такого отношения. И ты просишь прощения, но почему-то ни разу не спросив и не поинтересовавшись за эти шесть лет, как же я справилась с разрывом. Ты опять думаешь о себе, лишь бы прикрыть свои грехи. Могу, конечно, сказать тебе словами, что простила, но мое сердце нет. И честно признаться, до сих пор не могу точно ответить, простила ли я. Вот задам тебе вопрос: ты когда-нибудь проживал предательство? — внимательно всматриваюсь в серые глаза Андрея, которые потухли от моих слов. Хотел откровений, вот и получай. Думал, что скажу ему: “прощаю” и все исчезнет по взмаху волшебной палочки.

Андрей молчит, не отвечая на мой вопрос, опускает взгляд на чашку чая, принесенное официантом и ни разу не прикоснувшись к нему.

— Тебе трудно ответить?

Поднимает глаза и хмурится, явно наступив ему на большую мозоль. Что и требовалось доказать.

— Понимаю к чему ты. Простил ли я человека, который предал?

Киваю ему, внимательно слушая.

— Нет, не простил.

— А если попросит прощения? Простишь?

Он не выдерживает мой взгляд, отводя свой в сторону и вздыхая тяжело.

Не простит.

А чего ждет от меня? Почему думает, что другие смогут и должны?

— Ладно, Жень, все понял. Значит это моя ноша, и похоже я ее заслужил, — потирает лоб ладонью. — Расскажи лучше, как живет в Германии?

Поднимает на меня взгляд, смотря вопросительно, но в глубине серых глаз вижу обреченность и печаль.

Вспоминаю о существовании его сына, и что ему требуется помощь. Сидящего маленького, бледного и худенького мальчика на больничной койке, который остался без материнской теплоты, да и еще на грани жизни и смерти. Никто не выбирает родителей, но этому мальчику крупно не повезло. Не смею судить никого, но бывает так, что за грехи родителей отвечают дети.

— Хорошо живет. Как видишь, — развожу руки в стороны.

— Замужем, дети? — от последнего слова меня бросает в жар. Теряюсь, хаотично воображая, что именно ответить.

— Н-не замужем, есть ребенок, — заикаясь, нервно поправляю прядь волос и не решаюсь смотреть ему в глаза.

— Кто? Сын или дочка? — спрашивает обыденно.

Заткнется он или нет? Я уже под столом всю себя исципала от нервов.

— Сын.

— Это хорошо. Дети — цветы жизни, — его губ трогает улыбка. — Сколько ему? Нервы ни к черту, готова встать и уйти от провокационных вопросов. Зачем ему знать о моей личной жизни? Было у нас, ну и было. Все в прошлом.

— Четыре, — откровенно вру.

Господи, как же это тяжело врать и притворяться.

— Моему сыну тоже скоро четыре будет, — произносит с легкой улыбкой, только потом она пропадает и его настроение резко меняется. Он смотрит на наручные часы и выдает: — Кстати, мне уже надо бы к нему.

Андрей произносит с виноватым лицом. Сразу понимаю, что ему пора ехать. И я не решаюсь спрашивать у него про сына, зная какая с ним происходит беда. Да и Андрей не торопится откровенничать, а поднимать болезненную тему для него, тем более не хочется.

— Не смею задерживать. Мне тоже уже пора, завтра рано вставать, — вспоминаю, что мне надо завтра везти Сашу в клинику на анализы.

— Я тебя подвезу.

— Не стоит, я на такси, а ты поезжай к сыну, — пресекаю его попытку. Что-то уже больше не хочется ехать с ним в одном авто.

— Нет, возражений не принимаю, — категорично произносит, как он это любит показывать свое доминирование.

Ничего не остается, как только согласится. Мы вместе выходим из ресторана и садимся в машину. В этот раз без его напоминания, пристегиваюсь самовольно, чтобы лишний раз не провоцировать. Молча добираемся до отеля, в котором я остановилась. Уже выходя из машины не без помощи Андрея, желаем друг другу спокойной ночи, остановившись у подъездной отеля.

— Женя, извини, что так некрасиво тебя пригласил в ресторан. Просто эмоции зашкаливали, увидев картину, — виновато улыбается, переминаясь с ноги на ногу. — Ты знаешь, смотря на нее, я увидел себя твоими глазами и многое понял, насколько был к тебе не справедлив. Я очень раскаиваюсь и все-таки надеюсь искупить перед тобой свою вину. Если не получается простить, не настаиваю. Сам виноват. Но очень рассчитываю, что останемся в дружеских отношениях, — он ждет моего подтверждения, смотря пронзающим серым взглядом.

— Конечно, — киваю в ответ, коротко отвечая. На большее, меня не хватает.

Между нами воцаряется тишина, каждый не знает, что еще сказать напоследок. Испытывать его взгляд на себе, уже нет сил, да и вообще находиться рядом с ним — одно лишь испытание, да и еще в таком формате. И ярываю наше неловкое молчание:

— Мне нужно идти.

— Да, конечно, — соглашается без промедления.

Долго не думая, разворачиваюсь и быстрыми шагами направляюсь в отель, стараясь не оборачиваться.

Уже в своем номере, размышляю над нашим разговором, стоя у окна, не видящим взглядом уставившись на ночной город, горящий многочисленными фонарями. Пока мы были женаты, сколько мечтала вот так спокойно и непринужденно поговорить с Андреем, а когда мне это уже не нужно, он внезапно появляется в моей жизни, прося у меня прощения. Хочу простить, отпустить и забыть. Но почему это так трудно?

Ответ я пока не могу найти, мне похоже нужно еще время, чтобы окончательно вычеркнуть из своей памяти и жизни. Но нас связывает тонкая нить — мой сын. И эту нить никак не разорвать, и она будет путать и путать. Главное в нашей ситуации, чтобы Андрей не узнал о сыне. Теперь не знаю, как он может отреагировать на его существование. Будет ли требовать родительских прав или примет как данность, не выражая желания участия в его воспитании? По мне лучше второе. Так будет лучше всем.

На утро собираюсь в клинику. К десяти утра отец должен подвезти Сашу, соответственно встречаемся там. У Владимира Нестеровича уточнила, в какое время бывает Андрей, чтобы опять не столкнуться с ним в коридорах клиники. Он заверил, что в это время его не бывает, так как уезжает по своим делам.

С отцом мы встречаемся у главного входа. Сашка, соскучившись за эти дни по мне, с криком крепко обнимает, тараторя о прошедших днях у дедушки с бабушкой.

Перед тем, как зайти в клинику, я решаю поговорить с сыном на тему сдачи анализов, чтобы не пугался. Сажусь на корточки перед моим мальчиком и спрашиваю:

— Саша, если бы твой друг Ганс заболел очень серьезно, и ему нужна срочная помощь, чтобы он мог вылечиться. А для этого нужно сдать кровь для него, и тогда сможет поправиться. Ты бы ему помог?

— Кровь? Он что, вампир? — удивленно произносит.

— Нет, ты что, он не вампир, — посмеиваюсь над его словами. — Есть такие болезни, где требуется чужая кровь, чтобы вылечиться. Вот и спрашиваю тебя: ты бы помог ему, сдав свою кровь?

Саша задумывается на несколько секунд, потом утвердительно кивает:

— Я не хочу, чтобы Ганс болел. И если моя кровь поможет, то я помогу.

— Здесь лежит один мальчик, которому очень нужна кровь, если он вовремя не получит, то никогда не выздоровеет. Поможешь ему?

— А я его знаю?

— Нет. Но он очень хороший мальчик, только заболел очень сильно. Его родители плачут, потому что ничего не помогает и срочно нужна кровь.

Саша опять задумывается. И через несколько секунд отвечает:

— Если ему поможет моя кровь, то я согласен.

Облегчено вздыхаю и встаю с корточек, глядя сына по голове.

— Тогда сейчас сдадим анализы. Врачи проверят их, что ты здоров, а потом уже будешь сдавать кровь для мальчика, хорошо?

Саша кивает в ответ.

Нас принимают в лаборатории, проделывая процедуру сдачи крови на типирование для проверки совместимости. Саша немного пугается, и мне приходится с ним за компанию сдавать кровь, чтобы немного расслабился и почувствовал мою поддержку.

Сын ведет себя уже спокойнее и принимает как данность, не жалуясь на дискомфорт после укола в вену.

Через полтора часа мы покидаем клинику. Наблюдая за Сашей, он ведет себя уже более уверенным, чувствуя себя героем, что помогает другим детям. Немного боялась его реакции, что будет плакать и сопротивляться, увидев врачей со шприцем.

Теперь остается ждать результата, а там как судьба распорядится. Сама ситуация с донорством заставляет меня нервничать, ведь такое ни разу не проходили, и она немного пугает.

Иногда приходят мысли, что лучше бы осталась в неведении и не знала подробности жизни Андрея, но вспомнив Мишу, сердце сжимается за него.

Как говорит мама: тебе и Саше воздастся свыше.

А я просто хочу, чтобы Миша был здоров. Он ни в чем не виноват, пусть взрослые сами расплачиваются за свои ошибки прошлого.

Глава 13

Вот уже прошли вторые сутки, как Саша сдал кровь на типирование. И пока мы ждем результата обследования, я полностью ухожу с головой в рабочие моменты галереи. Мне нужно было подписывать договора на продажу моих картин, которые приобрели в день выставки.

Нервное напряжение никуда не делось, постоянно ощущая волнение: как все будет? Как все получится, если мой сыночек подойдет Мише? Я перелопатила весь интернет по поводу процедуры донации костного мозга, читая разных рассказов и отзывов самих доноров. И что характерно, все случаи разные. Кто-то после процедуры кроме головокружения ничего не ощущает, и на следующий день отлеживается дома. Кто-то восстанавливается целую неделю, в зависимости от возраста, если человек уже немолодой. А бывает, чувствуют дискомфорт в области прокола.

— Юль, ты знаешь случаи о донорстве костного мозга? — спрашиваю свою помощницу, с которой уже второй час сидим с договорами.

Она отрывает голову от бумаг и смотрит с интересом: зачем я ей задаю такой вопрос.

— Моя сестра состоит в базе доноров. Мы с мамой ее считали сумасшедшей и не от мира всего, отговаривали как только могли.

— Почему? — удивляюсь словам Юли.

— Ну, во-первых, это риск, во-вторых, вроде как побочный эффект не очень хороший, — отмахивается она, продолжая вчитываться в бумаги.

— Так она все-таки стала донором для кого-нибудь? — мое любопытство распирает.

— Стала. И знаешь, после этого, я к ней стала относиться по-другому. У меня за сестру гордость выиграла. Ведь она спасла одну жизнь, не причиняя себе вреда.

— Да? А как это все проходило у твоей сестры?

— Ой, там была такая ситуация. Она должна была уехать в командировку на две недели, но тут ей звонят, мол вы состоите в базе доноров, и вы подошли одному реципиенту мужчине. Она значит все бросает, сломя голову бежит туда. Мы с мамой на нее возмущались, пытались вразумить, но она ни в какую. В итоге она сдала первый раз из вены, которая длилась несколько часов. Мужчина оказался намного больше ее в весовой категории и брали два раза. После этой процедуры чувствовала себя слабой, как будто недомогание при простуде. Второй раз случился, чуть позже, но уже из бедренной кости, все этому же мужчине, стволовые клетки из вены не прижились, попросили сдать повторно.

— А вот как прошла процедура прокола бедренной кости?

— Ну-у... Под наркозом все происходило, ничего естественно не чувствовала. А после лежала один день, думала будет болеть спина, но нет, отлежавшись кроме как дискомфорта на попе ничего не ощущала, говорит, будто упала неудачно на задницу, — смеивается Юля, но мне не до шуток, я все тщательно анализирую, сказанное ею.

Послушав мою помощницу, опять делаю вывод, что у всех происходит по-разному, и каждый переносит индивидуально.

— А дальше, что было?

— Ой, она приехала домой, плакала навзрыд, что ее поступок даст кому-то жизнь. Сестра говорила тогда: “это такое счастье ощущать, что ты полезна и твоя жизнь проходит не зря”. Кстати, с тем мужчиной, она примерно через три года встретилась, это была самая трогательная встреча. И теперь генетически они связаны между собой. Мы с мамой так плакали, видеть этого мужчину здоровым и полным сил, было очень трогательно.

От ее слов, в моей груди разрастается теплота и ощущаю прилив жизненных сил. После рассказа Юли мне становится намного легче, настроение поднимается на максимум, все мои метания приобретают краски, будто выпила живительный эликсир.

— Спасибо, Юль, что поделилась, — благодарю ее, вытирая слезу со щеки.

И уже на позитиве с ней продолжаем свою работу, заполняя договоры и акты купли-продажи моих картин.

Уже вечером в своем номере, по традиции сижу у окна и обдумываю предстоящий ответственный момент. Саша пока у родителей, но если подтвердится совместимость, то ему придется переехать сюда и десять дней принимать препарат для стимуляции выработки стволовых клеток. Вздыхая тяжело, понимаю, насколько это будет тяжело для моего сына и для меня. Надеюсь, мы все это пройдем с легкостью.

Встаю с подоконника и подхожу к журнальному столику, где красуется букет белых роз. Трогаю бархатные, нежные лепестки цветка, вспоминая момент то, как они здесь очутились. Очень красивые, мои любимые цветы, все как я люблю. И аромат от них такой нежный и насыщенный, заполонив помещение.

— Помнит, — усмехаюсь замечанию.

И это замечание даже вывело меня сегодня из равновесия, но вспомнив все, через что пришлось пройти, моментально отметаю эту мысль.

Еще утром, перед тем как отправится в галерею, служащий отеля принес этот самый букет, а внутри него была записка: “спасибо за прекрасный вечер, проведенный в компании самой доброй и замечательной женщины”, и подпись внизу от имени Андрея.

Польстило?

Не то слово. Все утро ходила с довольной улыбкой. Потом только одернула себя, что это просто формальность, знак благодарности за потраченное время. И больше ничего. А мне большего и не надо.

В такие моменты всегда вспоминаю Сергея, который звонит по вечерам, желая спокойной ночи. Что мне нравится в Сергее, он не давит с принятием решения о совместном проживании, а ждет терпеливо, входя в мое положение.

Вздыхнув тяжело, отправляюсь в душ, а потом уже нужно ложиться спать. Завтра будет тяжелый день. Сначала дела в галереи, а вечером прием по случаю торжества годовщины свадьбы. Меня неожиданно пригласили на банкет одна семейная пара, которая присутствовала на моей выставке. Я их мало знаю, но они знакомы с моими родителями и отказать было неудобно, так как еще они купили мою картину в день выставки.

А еще завтра важный день тем, что будет оглашен результат типирования. Поэтому перед таким насыщенным днем нужно выспаться. Что я и делаю после душа, забывшись в глубоком сне.

Уже утром, еду на такси в клинику. Мне сегодня прислали смс-оповещение о готовности теста. С тремором в теле и трепещущим сердцем в груди, захожу в кабинет Владимира Нестеровича, который склонил голову над столом, читая документ в руке.

От шума в дверях он поднимает голову и густые седые брови врача взлетают вверх, а тонкие губы растягиваются в широкую улыбку, значит новости от него должны быть положительные.

Я чувствую облегчение и волнение одновременно, первое — Саша может подойти, а второе — болит сердце за моего сына, не зная, как все пройдет.

— Здравствуйте, Владимир Нестерович! — не спрашивая его разрешения, сажусь на свободный стул.

— Здравствуйте, Евгения! Я не сомневался, ну вот несколько, — он не перестает улыбаться, глаза блестят. Его настроение передается мне, тоже начинаю улыбаться в ответ. — Ну, что?! Ваш сын полностью подходит для Михаила. Поздравляю нас всех! Вы не представляете, как наш персонал клиники радовался, кто-то даже расплакался. Ведь надежды не было, а мальчик угасает на глазах. Хотя я по жизни атеист, но сейчас действительно верю в высшие силы. Вы и ваш сын просто чудо для Миши...

Он еще что-то говорит, но его почти не слушаю, в ушах стоит звон, в горле образовывается огромный ком, что глотать больно. Я сейчас на распутье жизненных дорог. То ли повернуть направо, то ли налево, а может даже прямо. Но решать нужно здесь и сейчас. Возможно, при любом итоге могу сожалеть. Если для Саши риск не катастрофического масштаба, то для Миши это конец.

Глава 14

— Андрей Константинович, хочу вам сообщить очень важную для всех нас, а особенно для Михаила новость! — как только захожу в кабинет Владимира Нестеровича, он встречает возгласом, отчего моментально мурашки по телу. За все время, что здесь лежит Миха, еще ни разу не было от него такой реакции. Постоянно встречает с мрачностью и обреченностью, выражая сожаление.

— Не томите, что произошло?!

— Нашелся донор! Донор! Вы понимаете?! — чуть ли не кричит на весь кабинет.

Еще бы я не понимал. У меня сейчас такое состояние, будто на меня обрушилась лавина ледяной воды. Я замираю на месте, осмысливая сказанное. Мне кажется это сон. Надежда давно умерла, и осталось только надеется на свои силы, чтобы увезти Мишу в Израиль.

— Вы сейчас не шутите? — еле шевеля губами, задаю вопрос.

— Разве таким шутят, Андрей? — не перестает улыбаться.

— А кто... — прочищаю горло, которое саднит от волнения, — кто донор?

— А вот это вам не скажу. Она попросила полную анонимность.

— Она?

— То есть он, — растеряно поправляет себя.

— Владимир Нестерович, прошу, скажите, мне нужно отблагодарить этого человека. Так неправильно.

— Нет, Андрей, хоть как просите, я не в праве говорить. Это врачебная тайна, — он отводит взгляд, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Есть еще одно, — его лицо меняется и тяжело вздыхает. Теперь уже смотрит с серьезностью и беспокойством. — Сегодня анализы крови Миши пришли, и со всей ответственностью скажу: они неважные. С каждой неделей ситуация ухудшается. Поэтому нужно поторопиться с пересадкой, но раньше десяти дней не можем, так как донору еще нужно проколоть препарат для стимуляции выработки стволовых клеток. Поэтому, Андрей Константинович, это чудо, что появился вовремя донор. Очень надеюсь, что Миша через год будет здоров и сможет путешествовать, как и хотел.

— Надеюсь на вас, Владимир Нестерович. Это и правда какое-то чудо, — сам не верю происходящему, меня всего перетряхивает. Боюсь закрыть глаза, а потом открыть и все окажется сном.

Миша. Мой мальчик. Он, и так дался тяжело, а еще эта проклятая болезнь. Я стараюсь, изо всех сил. Каждый божий день молю, чтобы произошло чудо. Неужели меня услышали сверху?

Мне за себя нисколько не обидно. Самое главное сейчас сын, который на опасной грани. Будет ли завтра для него или нет.

Всегда задумывался: за что ему это все?

Он маленький мальчик, который и мухи не обидел в этой жизни и уже такие трудности, не каждому взрослому человеку это по силам. Но он у меня молодец, все стойко выносит. Правда все же ждет одного, даже больше, чем здоровье — мать. Так ждет, что каждый день вспоминает про нее.

А я ничего сделать не могу, это не в моих силах. Единственное, попробовать выгрызть ему здоровье, увезти в Израиль.

И вот сегодня, стало известно, что есть шанс спасти Мишу, не дожидаясь поездки в Израиль. Да я от радости готов горы свернуть, лишь бы только мой сын был здоровым.

В приподнятом настроении захожу к Мише, предварительно одев медицинскую маску и халат. Миша сидит за детским столиком, что-то рисуя, а няня рядом читает ему книгу. Прошу ее оставить нас одних, чтобы пообщаться с сыном.

Я каждый день ночью с Мишей здесь в палате, чтобы ему не было так одиноко. А днем мне приходится ехать по своим делам, стараться заработать на его лечение.

Мой бизнес набирает обороты, пусть не так, как мне хочется, но есть результаты, медленно, но, верно.

Миша рассказывает про пройденные процедуры, как он был храбрый и не боялся, только потом ему становится плохо и после этих слов, в груди разрывается, хочется взять на себя всю его боль, чтобы только не чувствовал мой мальчик.

— Сегодня я не смогу ночевать здесь. Побудешь с няней? — осторожно спрашиваю сына.

Миша смотрит с жалостливыми глазами, но потом меняется и серьезно произносит:

— Ладно. Только ты не исчезай как мама, хорошо?

От этих слов хочется все крушить, разорвать его биологическую мать, которая оказалось и не матерью, а обычной кукушкой-потаскушкой. Сука она! Слово мать не заслужила. Все сделаю, чтобы Мишка не чувствовал себя ущербным и брошенным. У него есть я. Все ему дам, на что силы хватает.

— Нет, сынок. Я тебя никогда не оставлю, завтра приеду, обещаю.

Еще несколько минут сижу с сыном и уезжаю из больницы. Дел по горло и везде нужно успеть.

В каждой точке требуется тщательного контроля, иначе все потом нагледят, садятся на голову и свешивают ноги.

Заезжаю в ресторан, где ждут заказчики. Сегодня здесь состоится банкет по случаю годовщины свадьбы и нужно решить некоторые нюансы.

Помимо этого ресторана, еще есть пару точек стриптиз-клубов, откуда и идет основной доход.

В ресторане во всю готовятся. Персонал занят работой, а управляющий рассказывает обстановку в ресторане.

Уже вечером скапливается народ. Мои работники под руководством управляющего снуют из кухни в основной зал, обслуживая гостей.

Я выхожу в зал, чтобы поздравить виновников торжества, ведь с ними знаком много лет. Осматриваю всех присутствующих, и в глаза бросается стоящая ко мне спиной женщина. Плавные изгибы фигуры, облегающее черное платье обрисовывает ее аппетитные формы. Открытая оголенная спина, где видно бархатную белую кожу. Что-то в ней притягивает, неотрывно наблюдаю за этой фурией. Светлые волосы собраны в аккуратную высокую прическу, открывая тонкую шейку.

Уже и не помню, когда в последний раз у меня была женщина, целыми днями весь в заботах и делах. И что-то подсказывает: надо бы подойти и познакомиться. Но меня опережают. К фурии подходит какой-то хер, что-то говорит, и она поворачивается к нему лицом.

Я зависаю, потому что эта самая фурия и есть Женя.

Женя.

“Что-то тебя в моей жизни в последнее время стало много”, пробегает мысль в голове.

Внимательно осматриваю ее, она робко улыбается подошедшему мужику и мотает головой, явно этот хрен с яйцами пригласил ее на танец, и Женя не соглашается. Но целеустремленный мужик не отстает от нее.

Трогаюсь с места, направляясь к парочке, чтобы культурно объяснить человеку, что не все любители танцев-обжиманцев.

— Она со мной, — произношу громко над ухом мужика.

Тот поворачивается с видом будто у него началась диарея.

Женя вся бледнеет при виде меня, большие голубые глаза еще больше расширяются, а пухлый ротик приоткрывается.

— Ты кто? — мужик явно не трезв, спрашивая с наглостью.

— Ее муж, — без зазрения совести вру.

Женя на мой ответ хмурится, сжимая губы и пребывая в недовольстве. Зато это эффективно действует на фраера, он, извинившись ретируется в неизвестном направлении, оставив нас наедине. Женя молча наблюдает за мной, укоризненно пуская стрелы своими глазками.

— Необязательно говорить, что муж, — говорит с упреком.

— Потанцуем? — игнорирую ее слова, протягивая руку.

Она мешкает, долго смотря на мою ладонь, но в итоге сдается и принимает предложение.

Обнимая ее за талию, чувствую, как она вся напрягается. И почему-то сейчас ощущаю себя идиотом.

Сколько всего ей сделал, ненавидя за наш недолгий брак. Тогда я был слеп. Теперь это видится под другим углом и соусом.

Воспоминания уносят в тот день, когда мне объявили о помолвке на Евгении Полянской...

А я сегодня к вам с сюрпризиком))

Та-даааа!!! Промик на книгу "Измена. Игра в любовь" — fmE_iQ1i

И давайте обмывать косточки Андрюше)) Какие предположения у вас на его счет?

Визуал

Представляю вашему вниманию визуал героев. Вы вправе сами представлять героев, но хочу поделиться, как вижу их я.

Евгения (29 лет)

Андрей (34 года)

Сергей (32 года)

Глава 15

— Ты женишься на дочери Павла, — произносит строго отец.

— Даже не подумаю, — равнодушно отвечаю.

После проведенного ужина в доме родителей, где присутствовало семейство Полянских, отец объявил о помолвке с Евгенией. Такая новость привела меня в бешенство. Во-первых, я к ней никак не отношусь, она мне безразлична. Во-вторых, у меня уже есть невеста, с которой хотим пожениться. И эта новость рушит все мои задуманные планы.

— Тогда, сынок мой, твоя Лариса вылетит из компании. Я перекрою ей кислород везде, даже ты не в состоянии будешь помочь своей благоверной. Да и вообще, насколько ты слепой дурак, не видя ее сущности. Она же меркантильная сучка, которая спит и видит, чтобы стать женой твоего банковского счета. Нет уж, я этого не позволю. Мы с Павлом заключаем важный для нас контракт и страховкой будет женитьба на его дочери. Если откажешься, сам знаешь мои дальнейшие действия. Я вашего будущего с Ларисой не вижу. Она не тот человек, который сделает тебя счастливым, сынок. Тем более, Евгения очень слезно просила Павла, настаивая на вашей свадьбе. Она девочка у них умненькая, нежная и будет тебе хорошей женой, — смотрит проникновенно, чтобы его слова возымели цель, влияя на меня.

Но нет, этого не происходит. Наши отношения с Ларисой никого не касаются. И тем более из-за прихоти какой-то капризной девчонки не собираюсь менять свои планы.

— Я сам в состоянии понять, что мне нужно.

— Свадьба состоится через месяц, Андрей. Хочешь ты этого или нет, но она состоится, иначе последствия не заставят долго ждать, — смотрит с вызовом.”

Как я ненавидел их всех – вершителей судеб. Под горячую руку больше всех попадала Женья. Специально создавал нашу семейную жизнь адом для нее, чтобы чувствовала все то, что чувствовал я в это время.

Лари, узнав о нашей свадьбе, как и ожидалось, закатила истерику и обиделась. Мы перестали с ней общаться. По прошествии полугода брака с Женьей, мы не сдержались с Ларой. Нас тянуло невидимой силой. Я любил ее и не мог забыть. Она, как магнит тянула к себе. Видя ее каждый день в офисе, приносило столько мучений, что теперь уже она не моя. И нашей выдержки хватило на полгода, мы как изголодавшиеся не могли сутками оторваться друг от друга. Скучал по ней невероятно. Под предлогом, что я в отъезде или на встречах, закрывался с ней в городской квартире, не в состоянии отлипнуть от этой бестии.

А дома ждала меня ненавистная и нелюбимая женщина. Все что хотел, это превратить жизнь Жени в ад. Как можно изощрённо игнорировал ее присутствие в нашем доме, стараясь выставить себя самым последним подонком в ее глазах. Моя стратегия по превращению семейной жизни в ад, превращалась в маниакальность, я будто получал наслаждение от вида несчастного лица Жени, даже стал об этом чаще думать, чем о Лари.

Были моменты, что хотел вытряхнуть из нее преданность и послушность, которое она источала, но вместо этого шел в мою квартиру и все это проделывал с Ларисой.

Такое состояние стало пугать, ведь мне не нужна была Женья, я хотел избавиться от этого балласта, как от ненужной детали.

Ее появление в моей квартире, вывело из колеи. В тот день чувствовал перед ней вину, но в то же время и ликование, хотелось сделать ей побольнее, чтобы поняла на что она пошла из-за своей прихоти.

Но все поменялось, когда она откровенно рассказала свою версию нашей женитьбы. Мне поистине стало жаль, что пришлось Жене пережить за эти два года в нашем браке. Увидев бывшую в таком состоянии, во мне что-то щелкнуло, осознавая: Женья такая же жертва, как и я, только испытывала ко мне чувства, от которых никто не застрахован. И себя ненавидел

за все свои действия по отношению к ней. За два года брака Женя ни разу не сказала слово в упрек, молча терпела мои выходки. Но мои слова о детях, подействовали на нее как спусковой механизм. Я понимал, что перегнул тогда палку: слово не воробей, вылетит не поймаешь.

После уезда Жени был момент, что хотелось ее вернуть, и попробовать начать с нуля, но прозорливая Лари, почувствовав изменение моего настроения, заявила мне о своей беременности. И настрой в тот час исчез, радуясь такому событию. Только радоваться пришлось недолго, у нее произошел выкидыш, на раннем сроке. Как потом призналась Лариса в день ее ухода от нас с Михой, все это придумала, только лишь бы удержать меня. И ребенка она не хотела, но ради моих денег решила на это. А беременность так и не наставала, в итоге прибегли к ЭКО. Поддерживал ее в этом стремление, искренне веря, что она так любила меня и хотела детей.

Как потом выяснилось, я был идиотом, которого обвели вокруг пальца. Женщина, которую я любил, оказалась меркантильной сукой, бросившая больного сына, не говоря о себе. И ради чего? Ради толстого кошелька одного хрена.

Я даже стал сомневаться: мой ли сын Миша, когда не подошел к нему как донор. Ну хоть тут она была честна со мной — Миша родной. Да даже если оказался неродной, я бы его никогда не бросил.

Что касается моего отца, он выполнил все свои угрозы, перекрыв Ларисе кислород, она не могла устроиться ни в одну компанию. И не только ей перекрыв. Меня отец вычеркнул из своей жизни, из семейного бизнеса. После развода с Женей, Павел Полянский разорвал контракт, и это принесло отцовскому бизнесу колоссальных убытков, вплоть до банкротства. Наши отношения прекратились в тот день, когда он произнес: “Ты для меня умер. У меня больше нет сына”. И напоследок — не забыл оставить меня без наследства. А я и не нуждался, стараясь развивать свой личный бизнес. Пусть он не был таким успешным, но я шел к цели.

Потом родился Миша. Вечные скандалы с Ларисой, что она устала от такой жизни, в которой нет возможности нанять няню, сходить в СПА-салон, купить брендовые шмотки. А вот, когда узнали о болезни сына, еехватило на три месяца, сбежав с поля битвы, как последний трус. Что-то в этом духе ожидал, но не ожидал одного — эта сука бросит больного ребенка. Была ли у меня к ней на тот момент любовь? Нет. Она прошла тогда, когда я понял, что как только закончились деньги, ее отношение резко поменялось, исчезла та ласковая и нежная женщина, которая умеючи охмурила своими сладкими речами о вечной любви.

Всегда задумывался: а была ли к ней любовь? Оставшись с сыном, я не сожалел об уходе Лари, единственное, убивали слова Миши: “А где мама? Почему она уехала? Она больше меня не любит?”. Если в такой момент Лариса попала бы мне на глаза, собственными руками удушил, за все страдания и слезы сына.

Всегда задумывался: почему все так происходит? Где я свернул не туда? В своей жизни много делал плохого, совершая непоправимые ошибки. В том числе и первая жена, из-за которой по сей день чувствую свою вину перед ней.

После шести лет впервые встретить Женю, в голове сразу возникла сцена нашего с ней разговора в день ее ухода. Я знаю, что обидел словами, и тому подтверждение слезы Жени в моем ресторане. Если бы существовала машина времени, хотел бы все исправить. Но, это только детские мечты, на самом деле, должен взять ответственность за свои слова и попытаться их исправить. Еще раз уверяюсь, она девушка простая и добрейшей души человек. И смел своим отношением причинить ей боль.

Все то время, что мы сейчас танцуем, Женя ни на миг не расслабляется. Под ладонями ощущаю, как напряжены мышцы ее спины.

— Жень, расслабься, — тихо говорю ей на ухо.

Женя дергается, еще больше сжавшись в комок. Она нервно улыбается, но не смеет посмотреть мне в глаза.

— Тебе неприятно? — пытаюсь разрядить обстановку, отвлечь ее от напряжения.

— С чего бы? Нет, просто я танцевать не люблю.

— Тогда может выпить желаешь?

— Не откажусь, — смущено улыбается.

— Тогда пошли, — тяну ее за руку в сторону своего кабинета. На мое удивление, она не сопротивляется, послушно следуя за мной.

Заходим в мой кабинет, ей показываю на свободное кресло, Женя сначала неуверенно проходит, потом располагается, скромно сев в кожаное кресло.

Я разливаю из мини бара нам по бокалам шампанское, которое стояло в холодильнике на особый случай.

— Я не знала, что ты владелец ресторана. Поэтому в тот день девушка администратор так с тобой разговаривала? — произносит негромко, рассматривая мой кабинет.

— Этот ресторан я приобрел два года назад. Тогда он так не был раскручен, как сейчас, — отвечаю, поднося ей запотевший бокал от холодного шампанского.

Тонкими пальцами принимает бокал, говоря “спасибо”, преподносит к алым губам и отпивает небольшой глоток. Она до сих пор не решается взглянуть на меня, будто стесняется.

— Никогда бы не подумала, что ты займешься ресторанным бизнесом.

— Так получилось. А ты значит стала художницей? Не знал, что у тебя есть талант?

— Ты похоже много чего обо не знал, — отвечает с упреком.

И она права. Я не интересовался ее интересами, предпочтениями и увлечениями.

— Извини, тогда совсем другого мнения о тебе был, — виновато отвечаю.

— Какого? — она смотрит заинтересовано.

— Самонадеянной, эгоистичной и капризной девицей.

— Хм, интересное обо мне заключение. И чем же себя выдавала такой, по-твоему, описанию?

— Знаешь, это было первое впечатление, и оно осталось до конца нашего брака. Мы мало общались, чтобы понять свою ошибку.

— Интересно. И почему же поменял мнение?

— Твоим искренним разговором в день ухода, — спокойно смотрю на нее. Женя задумывается, затем хмурится, ставя почти нетронутый бокал на письменный стол.

— Ясно. Ну, что ж, бывает и такое, — делает паузу, — мне уже пора.

Она встает с кресла и поправляет платье. Резкая перемена темы, говорит: ей неприятно это обсуждать.

— Спасибо за шампанское и за танец.

— Ты даже почти не притронулась, — делаю замечание.

— Я на банкете уже пару бокалов выпила, — натянуто улыбается.

— Ты уже домой? То есть в отель?

— Да. Завтра рано вставать, дел по горло.

— Мы с тобой толком не поговорили, может за ужином продолжим? Как на это смотришь? — осторожно спрашиваю. Только зачем мне это? Загладить свою вину перед ней или другое?

Внимательно рассматриваю ее черты лица, затем фигуру и, в который раз убеждаюсь, что Женя красива, а после стольких лет стала еще краше. Никогда не замечал, что, когда она смущается, у нее краснеют щеки. Сейчас мне это кажется милым. Раньше считал ее маленькой стервой и все в ней раздражало.

— Знаешь, Андрей. Я думаю, это плохая идея. Когда ехала в Россию, то у меня настрой был рабочим, никак не рассчитывая на нашу встречу. И тем более ужинать с тобой.

Я ухмыляюсь над ее словами. И все же она немного изменилась, стала более уверенной в себе и прямолинейной.

— Я же не на свидание приглашаю, а как дружескую встречу.

— Зачем? — смотрит проникновенно, будто пытается прочесть мои мысли.

— Хочу узнать о тебе побольше. Наверстать упущенное, — отвечаю честно.

Она ухмыляется и мотает головой.

— Пусть лучше останется все как есть, Андрей.

— Давай завтра в шесть, тебя устроит? В девять мне самому надо уже быть... — осекаюсь, чтобы не взболтнуть лишнего, — дома, сын будет ждать.

Женя наблюдает за мной молча, внимательно всматриваясь в лицо. Явно хочет, что-то сказать, но не решается.

— Нет, Андрей. Мой молодой человек очень ревнивый и этого не поймет.

Фраза “молодой человек” вызывает неприятное чувство. Вроде все нормально, так и должно быть, но все равно не дает покоя, надоедливо жужжа в голове.

— Хорошо. Может в другой раз согласишься. Давай тебя подвезу, — не спрашиваю, а утверждаю.

Ловите промик на другую книгу "Подчинить Демона" - 1DLHMQ3x

Спасибо огромное за ваши комментарии и реакции!!! Идем дальше)

Глава 16

Наглость Андрея зашкаливает. Не спрашивая моего мнения, он ведет к своему автомобилю. Ладно, хоть дал возможность попроситься с виновниками торжества, а так мог бы вывести по-английски.

Как бы я ни отпиралась, его настойчивость давила на мою упертость, в этом он всегда преуспевал. Лишний раз контактировать с ним совершенно не хочется. После выпитых двух бокалов шампанского ощущаю себя безвольной куклой, и рядом с Андреем вся моя выдержка постепенно трещит. Его присутствие, вызывает во мне трепет и волнение, что очень мне не нравится. Его голос, его глаза, его прикосновения действуют опьяняюще и не дают мыслить трезво. Мне трудно совладать собой, дотронься он до меня, и все — я пропала. Это самый опасный момент, мне скорее нужно оказаться в своем номере, где буду чувствовать себя в безопасности.

Он помогает мне сесть в его автомобиль, я без замедления пристегиваюсь. Андрей молча садится и так же молча трогает с места, вливаясь в поток машин ночной Москвы.

— Тебе не холодно? — его бархатный голос нарушает тишину в салоне автомобиля.

Меня и правда знобит, но не от холода, а от него самого. Чувствую по всему телу легкое возбуждение от его запаха и мужской энергетики, которая так и источает тестостерон.

Какая я дура бесхребетная, что так реагирую на Андрея, после всего, что мне сделал. Почему за эти года не смогла его вытравить из сердца? Он мое наказание?

— Нет, не холодно, — буркаю себе под нос, обнимая себя за плечи.

Так и доезжаем молча до отеля. Каждый думает о своем и не пытается заговорить первым, неловкость между нами продолжает нарастать. Я молчу, задумываясь над нашим пройденным разговором. Особенно над тем, как он не стал откровенничать насчет своего сына. Было желание расспросить подробно насчет Миши, но сдержалась, возможно это болезненная тема для него. Но больше всего хотелось спросить о матери мальчика: почему не она рядом. И раз Андрей об этом не заговаривает, значит меня не касается.

Остановившись у отеля, благодарю Андрея за помощь и хочу открыть дверь, быстрее оказаться на безопасном расстоянии от него.

— Женя, — негромко окликает меня.

Торможу и поворачиваюсь в его сторону. Боже, как он красив сейчас в свете уличных фонарей. Моя пьяная натура хочет прикоснуться к его щеке, потрогать колючую щетину. Бесовестно разглядываю его черты лица, и сама не замечаю, как зависаю на его губах.

— Ты извини, если что не так. Дай свой номер, чтобы созвониться насчет ужина, — говорит с хрипотцой в голосе.

— Хорошо.

Не знаю, что со мной, но как околдованная называю ему свой номер телефона, не пытаюсь даже осмыслить: а дальше что? И зачем это нужно?

— Я тебе позвоню тогда, — выкрикивает мне в спину, когда уже почти дохожу до главного входа в отель.

Молча киваю ему, не поднимая на него глаза. Скорее прочь, как можно подальше. Какого черта дала ему свой номер? Бестолковая, бесхребетная слабачка. О чем думала, когда согласилась?

— Женя, ты дура, просто дура! — говорю сама себе громко, когда уже очутилась в своем номере, прижавшись лбом к входной двери.

Кое-как заставляю себя принять душ и переодеться. Ложусь спать, пытаюсь уснуть, но сна ни в одном глазу, вспоминая наш с ним танец и разговор. И о том какие у него губы, мать

твою. Прижимаюсь лицом в подушку и кричу отчаянно, сколько есть мочи. Ругаю и ругаю себя за слабость.

Засыпаю в третьем часу ночи, а утром в восемь меня будит звонок мобильного. Сонная встаю с кровати и плетусь к сумочке, которую оставила на журнальном столике, где и лежит мобильный телефон.

«Мама. Странно. В такое время?», мысленно замечаю.

А у самой ёкает сердечко, предчувствуя что-то не очень приятное.

— Да, мам, — отвечаю немного охрипшим голосом.

— Женечка, привет. Тут такое дело... — она мнется и не знает, как сказать, — в общем, Сашка всю ночь температурил. Он еще перед сном начал, но я не стала тревожить, ты вроде как на мероприятии была.

Ее слова ка гром звучат в ушах, приводя меня в шок.

— Это все твой отец виноват. Они вчера машину вместе мыли и баловались с холодной водой, друг друга обливая. Вот тебе и результат. Я Саше дала жаропонижающие, а оно только до тридцати семи снижает и все. Скорую хочу вызвать, но думаю надо сначала тебе позвонить, предупредить...

— Я сейчас приеду, — не дав ей договорить, отключаюсь и, как ошпаренная умываюсь, надеваю джинсы и легкую блузку.

Через двадцать минут я уже еду в такси к родителям за город. Через два часа, преодолев вечные пробки Москвы, расплачиваюсь с водителем, вылетаю из машины и на всех порах бегу в родительский дом.

Поднимаюсь на второй этаж, где раньше была моя спальня, теперь там заселился мой сын. Подбегаю к кровати, Саша и правда горит, щеки красные, глаза стеклянные. Заглядываю в горло, оно все красное, да и еще вдобавок появился кашель. Больше всего переживаю, как бы не пневмония. Из Германии прихватила с собой лекарства и сложила в дорожную аптечку, нахожу там жаропонижающее, которое сто процентов помогает сыну. Через полчаса оно начинает действовать, понижая температуру. Саша засыпает и весь потный. Заставляю его поменять одежду.

Резко вспоминаю, что сегодня нам нужно было ехать в клинику, начать принимать препарат для стимуляции стволовых клеток. Поэтому срочно звоню Владимиру Нестеровичу, чтобы предупредить о сложившейся ситуации.

— Евгения Павловна, здравствуйте! Вы уже подъехали? — радостно спрашивает врач.

— Здравствуйте. Нет, у нас случилось не очень приятное. Мой сын сильно заболел и теперь не думаю, что мы сможем приехать.

Образовывается секундная пауза, видать Владимир осмысливает сказанное мной.

— Ох, Евгения, вы сейчас так расстроили, что мне взрослому мужику захотелось плакать. Как же так, Евгения?! Мы же так надеемся на вашего сына, — горько вздыхает в трубку.

— Мне очень жаль. Теперь самой надо сына показать врачу, чтобы предотвратить пневмонию.

— Срочно везите в нашу клинику, у нас здесь отличное инфекционное отделение.

Как и порекомендовал Владимир Нестерович, папа повез нас с Сашкой в клинику. Там нас экстренно приняли, Сашу осмотрели и вынесли диагноз — бактериальный бронхит. Сына госпитализировали, как донор, за ним теперь нужно особое наблюдение, сдача всевозможных анализов. После всех процедур, пока спит сынок, я направляюсь к Владимиру.

— Евгения, я поговорил с отцом Миши, объяснил ему о ситуации с донором и, что теперь пересадка откладывается на неопределенный срок. Но, знаете, у Миши больше нет времени ждать, ему становится с каждой неделей все хуже, болезнь прогрессирует, можно сказать: каждый день на счету. Андрей решил срочно собрать недостающую сумму для лечения в Израиле и

уехать туда с ним. И понимаете, все это для него сложно на самом деле. Эту сумму он за неделю не сможет собрать, — тяжело вздыхает врач, растирая ладонью лицо, явно от безысходности.

А мне реветь хочется, что вот так все получилось, хоть волком вой. Руки начинают трястись, ведь вчера, когда дала согласие на донорство Саши, я перед этим навестила Мишу. Мне разрешил сам Владимир Нестерович. Боже, как разрывалась душа, когда я заговорила с ним. У него такие проникновенные карие глаза, которые источают доверие и надежду. Миша так обрадовался моего появления, подумав, что я его мама. Еле сдержалась, чтобы перед ним не разреваться. Такой он маленький, хрупкий мальчик, с почти прозрачной кожей.

После визита к Мише я без сомнения ответила Владимиру согласием, подписав все нужные документы.

— Сколько у него не хватает? — проглатываю образовавшийся ком в горле.

— Он сказал около пятнадцати миллионов, — отвечает мрачным голосом. — Помимо трансплантации, нужно платить за все обследования, приемы и анализы.

— Он обращался в фонды?

— Естественно, но там огромная очередь, мы долго ждать не можем. Андрей сейчас пытается продать все что у него есть, но и то это недостаточно.

Черт, черт. Как же так?

После разговора с врачом сижу в палате сына, и обдумываю сложившееся обстоятельство, истерично соображая: что теперь делать. У меня на счету имеется три миллиона, но и этого мало.

К отцу попробовать обратиться?

Встрепенувшись, хватаю свой мобильный, чтобы открыть список контактов, и тут мне на главном фоне дисплея попадает картина “Арктический холод”.

Вместо отца я набираю номер помощницы Юли.

— Юля, привет. У меня нет много времени и сразу перейду к делу. Ты можешь организовать срочный аукцион на мои картины? Гвоздем аукциона будет - “Арктический холод”, — тараторю в трубку, словно за мной гонятся.

— Ты хочешь ее продать?! — искренне удивляется.

— Да.

Дорогие читатели! Рядом с аннотацией вы найдете буктрейлер к книге. Там есть небольшие спойлеры на дальнейшее развитие истории. Приятного вам просмотра! Надеюсь, вам понравится)) Теперь, остается загадкой: сможет ли Женя помочь сыну Андрея.

Очередной промик на мою книгу "Измена. Игра в любовь" - *QblbkCgb*

Глава 17

— Андрей, я понимаю, что сейчас все так обернулось и вам надо срочно лететь в Израиль. Но, где вы возьмете такую сумму на лечение?

— Попробую найти в короткий срок. Все продам, что есть у меня, но я не позволю умирать Мише.

— Но продать за короткий срок невозможно, сами понимаете, — Владимир все пытается меня вразумить, попробовать дождаться выздоровления донора. Но пока он выздоровеет, Миши уже может не стать.

От последнего слова все нутро скручив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.